

ДЖЕК КЕРУАК

18+

БРОДЯГИ
ДХАРМЫ

От битника до Паланика

Джек Керуак
Бродяги Дхармы

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Керуак Д.

Бродяги Дхармы / Д. Керуак — «Издательство АСТ»,
1958 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-134408-5

Джек Керуак (Жан-Луи Лебри де Керуак, 1922–1969) – писатель-эпоха, писатель-парадокс, посеявший ветер и не успевший толком узнать, что пожал бурю, не утихшую и в наши времена. Выходец из обедневшей семьи французских аристократов, он стал голосом протестующей американской молодежи и познакомил молодых американских интеллектуалов с буддизмом. Критики высокомерно не замечали его, читатели-нонконформисты – носили на руках. Буйный... Лиричный... Чувственный... Дикий... Энергичный... Такими эпитетами описывали первые критики этот роман Джека Керуака – книгу, которая зажгла все поколение хиппи. Сага двух скитальцев с Западного побережья Америки и история их безудержных поисков Истины и Оттяга. Раскованные девушки, свободная любовь, реки вина и восточная мистика – так начинается их духовное странствие. Но истинное Прозрение наступает лишь на вершине одинокой горы, в сокровенном одиночестве, уносящем их ввысь... Роман Джека Керуака в 1958 году снес все барьеры и провел читателя от свингующих баров Сан-Франциско до заснеженных пиков Сьерры. Всё новые поколения читателей находят в нем и сексуальные оргии – задолго до «лета любви», и свободные джазовые импровизации – еще до появления рок-музыки, и поэтические «любовные забастовки», и марафоны пьянства, которым предаются молодые люди, подсевшие на чувственность и стремящиеся «улететь». Бродяги Дхармы. Содержит нецензурную брань

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134408-5

© Керуак Д., 1958

© Издательство АСТ, 1958

Содержание

1	7
2	11
3	16
4	20
5	22
6	27
7	34
8	36
9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джек Керуак Бродяги Дхармы

Jack Kerouac
THE DHARMA BUMS

© Jack Kerouac, 1958

© Перевод. М. Немцов, 1993, 2010, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящается Ханьшаню¹

---

¹ По предложению Гэри Снайдера Керуак посвятил роман легендарному китайскому поэту-отшельнику IX в. Ханьшаню, который вместе со своим подручным Шидэ, монахом монастыря Гоцин на горе Тяньтай, считаются воплощениями соответственно бодхисаттв Манджушри и Самантабхадры.

1

Прыгнув как-то в самый полдень на товарняк из Лос-Анджелеса в конце сентября 1955 года, я тут же забрался в угол полувагона и улегся, подложив вещмешок под голову, закинув ногу на ногу, созерцал проплывающие облака, а поезд катил на север, к Санта-Барбаре. Товарняк был местный, и я собирался переночевать в Санта-Барбаре на пляже, а на следующее утро поймать еще один местный до Сан-Луис-Обиспо либо в семь вечера сесть на первоклассный состав до самого Сан-Франциско. Где-то возле Камарилло, где Чарли Паркер сначала свихнулся, а потом отдохнул и снова поправился², в мою люльку влез пожилой и тощий бродяжка – мы как раз съезжали на боковую ветку, пропуская встречный, и мужичок, кажется, удивился, обнаружив меня внутри. Сам он устроился в другом конце люльки: улегся лицом ко мне, положив голову на свою жалкую котомку, и ничего не сказал. Вскоро дали свисток, главная магистраль освободилась – там пронесся восточный грузовой, – и мы тронулись; холодало, и с моря в теплые береговые долины потянуло туманом. Мы с бродяжкой после безуспешных попыток согреться, кутаясь в тряпье на стальном полу вагона, поднялись и забегали взад-вперед по углам, подпрыгивая и хлопая себя по бокам. Вскоре заехали еще на одну ветку в каком-то пристанционном городишке, и я прикинул, что мне без пузыря «токайского» не скоротать в сумерках холодный перегон до Санта-Барбары.

– Посмотришь тут за моим мешком, пока я сгоняю за бутылкой?

– Ну дак.

Я перемахнул через борт и сбегал на ту сторону Сто первого шоссе к магазину, где кроме вина купил хлеба и конфет. Бегом вернулся к составу, и ждать пришлось еще четверть часа, хоть на солнышке и потеплело. Но день клонился к вечеру, и мы бы все равно замерзли. Бродяжка сидел по-турецки у себя в углу перед убогой трапезой – банкой сардин. Мне стало его жалко, я подошел и сказал:

– Как по части винца – согреться, а? Может, хлеба с сыром хочешь к сардинам?

– Ну дак. – Он говорил издали, из глубины кроткого ящичка голоса боялся или не желал утверждать себя. Сыр я купил три дня назад в Мехико перед долгой поездкой на дешевом автобусе через Сакатекас, Дуранго, Чиуауа, две тысячи долгих миль к границе у Эль-Пасо. Бродяжка ел хлеб с сыром и пил вино – со вкусом и благодарностью. Я был доволен. Вспомнил строку из Алмазной сутры: «Будь милостив, не держа в уме никаких понятий о милости, ибо милость все-таки – просто слово»³. В те дни я был очень благочестив и выполнял все религиозные обряды почти в совершенстве. Хотя с тех пор и начал несколько лицемерить в словоизлияниях, слегка устал и зачерствел. Ведь я уже так постарел и остыл... А тогда и впрямь верил в милосердие, добро, смирение, пыл, нейтральное спокойствие, мудрость и исступление, да и в то, что сам я – эдакий стародавний бхикку⁴, только одет по-современному, скитаюсь по миру (обычно – по огромной треугольной дуге между Нью-Йорком, Мехико и Сан-Франциско), дабы повернуть колесо Истинного Смысла, или Дхармы⁵, и заслужить себе положение

² Американский джазовый саксофонист и композитор Чарльз Паркер-мл. (1920–1955) в 1946 г. провел полгода в клинике для душевнобольных в Камарилло, Калифорния, где лечился от нервного срыва, вызванного употреблением героина (он расхаживал по отелю в одних носках и пытался поджечь сигаретой свой матрас в номере). После выписки Паркер записал композицию «Отдых в Камарилло».

³ Алмазная сутра (санскр. «Ваджрачхедика Праджняпарамита сутра» – «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии») – сутра цикла «Праджняпарамиты», основополагающий текст буддизма Махаяны, созданный приблизительно в III в. н. э., но не позднее середины IV в. Цитаты из основополагающих текстов буддизма здесь и далее даются согласно интерпретации автора.

⁴ Бхикку – в буддизме высшая степень монашеского посвящения; такие монахи соблюдают свыше 220 обетов, основанных на принципе Личного освобождения. Здесь и в тексте романа понятие употребляется нестрого.

⁵ Дхарма – Учение, Закон, одно из важнейших понятий в индийской философии и индийских религиях: совокупность

будущего Будды (Пробудителя)⁶ и будущего Героя в Раю. Я пока еще не встретил Джафи Райдера – встречу его на следующей неделе – и ничего не слышал о «Бродягах Дхармы», хотя в то время сам уже был совершеннейшим Бродягой Дхармы и считал себя религиозным скитальцем. Бродяжка в нашей с ним люльке лишь подкрепил всю мою веру – потеплел от вина, разговорился и наконец извлек откуда-то крохотную полоску бумаги с записанной молитвой святой Терезы⁷, где говорилось, что после смерти она возвратится на землю дождем из роз с небес – навеки и для всего живого.

– Откуда у тебя это? – спросил я.

– Вырезал из журнала в читальном зале в Лос-Анджелесе пару лет назад. Теперь всегда с собой ношу.

– И что – вселяешься в товарный вагон и читаешь?

– Дак считай каждый день.

После этого он не особо много разговаривал, а про святую Терезу и вовсе не распространялся, очень скромно говорил о своей вере и почти ничего – о себе. На таких тихих тощих бродяжек мало кто обращает внимание даже на Сволочном ряду, уж не говоря про Главную улицу⁸. Если его сгоняет с места фараон, он тихо линяет, а если в больших городах по сортировке шныряют охранники, когда оттуда выезжает товарняк, маловероятно, чтоб они засекли человечка, который прячется в кустах и под шумок прыгает на поезд. Когда я сказал ему, что собираюсь следующей ночью поймать «молнию» – первоклассный скорый товарняк⁹, – он спросил:

– А, «ночной призрак»?

– Это ты так «молнию» зовешь?

– Ты, наверно, работал на этой дороге?

– Ага, тормозным кондуктором на ЮТ¹⁰.

– Ну а мы, бродяги, зовем его «ночной призрак», потому что как садишься в Л.-А., так никто тебя не видит аж до Сан-Франциско поутру, так быстро лётает.

– Восемьдесят миль в час на прямых перегонах, папаша.

– Ну да, только такая холодрыга ночью, коли гонишь по берегу к северу от Гавиоты и вокруг Серфа...

– Да, Серф, точно, а потом – горы южнее Маргариты...

– Маргариты, точно, я этим «ночным призраком» ездил стока, что, наверно, и не сосчитать.

– А ты сколько дома не был?

установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка. В зависимости от контекста Дхарма может означать «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия» и т. п. Дхарма-чакра – буддийский символ дхарм и учения Будды о пути к просветлению, освобождению от кармических перерождений в сансаре. Традиционно изображается в виде стилизованного колеса с восемью спицами.

⁶ Будда Шакьямуни (*санскр.* «Пробужденный мудрец из рода Шакья», 563 г. до н. э. – 483 г. до н. э.) – духовный учитель, легендарный основатель буддизма. Получив при рождении имя Сиддхаттха Готама (*пали*) / Сиддхартха Гаутама (*санскрит*) (Потомок Готама, успешный в достижении целей), позже стал именоваться Буддой (*санскр.* «Пробудившийся») и Полностью совершенным буддой. Его также называют: Татхагата («так пришедший / ушедший»), Бхагаван («блаженный»), Сугата («идущий во благо»), Джина («победитель»), Локадждештха («почитаемый миром») и др.

⁷ Тереза из Лизьё (святая Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица, святая Тереза Малая, в миру Мария-Франсуаза-Тереза Мартен, 1873–1897) – кармелитская монахиня, католическая святая, одна из четырех женщин, удостоенных в католической традиции титула Учитель Церкви.

⁸ «Skid Row» – общее понятие для неблагополучных районов городских трущоб; ок. 1850 г. вошло в обиход в Сиэтле, где «сволочной дорогой» называлась улица, по которой сволокивали бревна с лесоповала к морю. Образ «Главной улицы» отсылает к сатирическому роману американского писателя Синклера Льюиса (1885–1951) «Main Street» (1920).

⁹ «Молнией» (The Zipper) на жаргоне того времени обычно назывался товарный экспресс из Лос-Анджелеса в Денвер, шедший одну ночь. Отсюда и дальнейшая путаница в понятиях.

¹⁰ Южная Тихоокеанская. Имеется в виду «Southern Pacific Railroad» (или «Southern Pacific Transportation Company», 1865–1996) – железнодорожная сеть, оперировавшая преимущественно (но не исключительно) на западе США, со штаб-квартирой в Сан-Франциско.

– Стока, наверно, что не сосчитаешь. Сам-то я из Огайо, вот откуда...

Но поезд тронулся, ветер похолодал, полез туман, и следующие полтора часа мы делали все, что было в наших силах и возможностях, чтоб не околеть да притом не слишком стучать зубами. Я весь съезжился и, чтобы забыть о холоде, медитировал на тепло, настоящее тепло Бога; потом подсакивал, хлопал по себе руками, топал и пел. У бродяжки же терпения было больше, и он в основном просто лежал, жуя горькую жвачку в одиноких своих думах. Зубами я выстукивал дробь, губы посинели. К темноте мы с облегчением заметили, как проступают знакомые горы Санта-Барбары: скоро остановимся и согреемся в теплой звездной ночи у путей.

На разъезде, где мы оба спрыгнули, я попрощался с бродяжкой святой Терезы и пошел на песок ночевать, завернувшись в одеяла, – дальше по пляжу, у самого подножья утеса, чтоб легавые не увидели и не прогнали. На свежесрезанных и заточенных палочках над углями большого костра поджарил себе «горячих собак»¹¹, разогрел банку фасоли и банку макарон с сыром, выкопав ямки, выпил новоприобретенное вино и возликовал – такие приятные ночи в жизни выпадают редко. Побродил по воде и слегка окунулся, постоял, глядя в сверкающее великолепие ночного неба, в десятичудесную вселенную Авалокитешвары с ее тьмой и алмазами¹². «Ну, Рей, – грю я, возрадовавшись, – ехать осталось несколько миль. Ты снова это сделал». Счастье. В одних плавках, босиком, диовласый, в красной тьме костра пою, тяну вино, плююсь, прыгаю, бегаю – вот как жить надо. Совсем один, свободный, в мягких песках пляжа рядом со вздохом моря, и фаллопиевы теплые звезды-девственницы Подмигивают Мамулей, отражаясь в водах жидкого брюха внешнего потока. А если консервные банки раскалились так, что невозможно взяться рукой, – берись старыми добрыми железнодорожными рукавицами, делов-то. Я дал еде немного остыть, чтоб еще чуть проташиться по вину и мыслям. Сидел по-турецки на песке и раздумывал о своей жизни. Ну вот – и что изменилось-то? «Что станется со мною дальше?» Затем вино принялось за мои вкусовые сосочки, и совсем немного погодя уже пришлось наброситься на сосиски, скусывая их прямо с острия палочки, и хрум-хрум, и зарываться в обе вкуснющие банки старой походной ложкой, выуживая роскошные куски горячей фасоли со свиной или макарон в шкворчащем остром соусе и, может, чуток песка для приправы. «А сколько же у нас тут песчинок на пляже? – думаю себе я. – Ну-у, песчинок – сколько звезд на этом небе!» (хрум-хрум) а если так, то: «Сколько же человек здесь было, сколько вообще живого было здесь с до начала *меньшей* части безначального времени? Ой-ёй, я так полагаю, надо вычислить, сколько песчинок на пляже, и еще на каждой звезде в небесах, в каждом из десяти тысяч великих килокосмов¹³, и это будет столько песчинок, что исчислишь ни “Ай-би-эмом”, ни “Берроузом”¹⁴, ну елки-палки, да я и не знаю ей-бо (хлоп вина). Я в самом деле не знаю, но, должно быть, ковырнадцать триллионов секстильонов, объезженное враздрызг и помноженное на черт-те сколько роз, что милая святая Тереза вместе с четким старичком вот в эту самую минуту вываливают те на голову с лилиями в при-дачу».

Затем с едой покончено, вытерев губы красной косынкой, я вымыл посуду в соленом море, раскидав несколько комков песка, побродил, вытер тарелки, убрал, сунул старую ложку обратно в просоленный мешок и улегся, завернувшись в одеяло, на добрый и праведный ночной отдых. Проснувшись где-то посреди ночи: «А? Где я, что это за баскетбольство вечности, в которое девчонки играют прямо рядом со мной, в стареньком домишке моей жизни, а домик-то еще не горит, а?» – но то лишь объединившийся шелест волн, подобранных выше, чем

¹¹ «Горячими собаками» (hot dogs) в США традиционно называют жареные франкфуртские или венские сосиски (с хлебом или без) с конца XIX в., когда подозрение в том, что в их фарше используется собачатина, было не вполне обоснованным.

¹² Авалокитешвара (санскр. «Владыка взирающий») – бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех будд.

¹³ (Малый) килокосм (от греч. *chilioi*, «тысяча») – в космологии буддизма полная система миров с тысячей вселенных.

¹⁴ Имеется в виду счетная машина производства «Burroughs Corporation» (1886–1986), запатентованная в 1885 г. американским изобретателем и предпринимателем Уильямом Сьюардом Бёрроузом 1-м, дедом писателя-битника Уильяма СВ. Бёрроуза 2-го.

ближе прилив к моему одеяльному ложу. «Я стану твердым и старым, как рапан», – и вновь засыпаю, и мне снится, что во сне я выдыхаю три ломтя хлеба... Ах, бедный разум человеческий, и одинокий человек один на берегу, и Бог глядит за ним с сосредоточенной, я бы сказал, улыбкой... И снился мне давний дом в Новой Англии, и мои «киткаты»¹⁵ пытаются догнать меня тысячи миль по дороге через Америку, и мама моя с мешком за спиной, и мой отец, бегущий за эфемерным неуловимым поездом, и я видел сей сон и проснулся на серой заре, узрел ее, понюхал (ибо заметил, как смещается весь горизонт, будто великий рабочий сцены поспешно вернул его на место, чтоб я поверил в его реальность) и снова уснул, перевернувшись на другой бок. «Все одно и то же», – услышал я собственный голос в пустоте, которую во сне объять можно, как нигде больше.

---

¹⁵ «Kit Kat» (с 1935 г.) – марка вафельных шоколадных батончиков, первоначально выпускавшихся британской компанией «Rowntree's».

2

Бродяжка святой Терезы оказался первым подлинным Бродягой Дхармы, которого я встретил, а вторым стал Бродяга Дхармы Номер Один из них всех – Джафи Райдер, который это название и придумал. Джафи Райдер – пацан из Восточного Орегона, вырос в бревенчатой хижине в лесной глуши с отцом, матерью и сестрой, с самого начала – лесной мальчишка, лесоруб, фермер, любил животных и индейскую премудрость, поэтому когда не мытьем, так катаньем поступил наконец в колледж, оказался хорошо подготовлен к занятиям антропологией, потом – индейскими мифами, а также к изучению подлинных текстов индейской мифологии. В конце концов выучил китайский и японский, стал востоковедом и обнаружил величайших на свете Бродяг Дхармы – Безумцев Дзена из Китая и Японии. В то же время вырос он на Северо-Западе и обладал склонностью к идеализму, а потому заинтересовался старомодным ПРМ-овским¹⁶ анархизмом, научился играть на гитаре и петь старые рабочие песни, что шло рука об руку с его любовью к индейским песням и вообще интересом к фольклору. Впервые я увидел его на улице в Сан-Франциско на следующей неделе (стопом проехав остаток пути от Санта-Барбары за один длинный молниеносный перегон, подаренный мне, все равно никто не поверит, прекрасной милашкой, молоденькой блондинкой в белоснежном купальнике без лямок, босиком, с золотым браслетом на лодыжке, она вела красно-коричневый «линкольн-меркурий» следующего года и хотела бензедрину, чтоб доехать до самого Города, а когда я сказал, что у меня в мешке найдется, она завопила: «Безумно!») – я увидел, как Джафи пылит по улице причудливыми длинными шагами человека, привыкшего лазить по горам, с рюкзачком за спиной, набитым книгами, зубными щетками и всякой ерундой, – то был его маленький «выходной» рюкзак «для города» в отличие от здоровенного рюкзака в комплекте со спальником, пончо и котелками. Носил он козлиную бородку, до странности ориентальный, если учесть его слегка раскосые зеленые глаза; но он совсем не походил на богему, он был далеко не богемой (то есть тусовщиком вокруг искусств). Он был жилистый, загорелый, бодрый, открытый, весь приветливый и готовый поболтать – вопил «привет» даже бродягам на улице, а когда у него что-нибудь спрашивали, отвечал без промедления то, что было у него на уме или под оным, уж и не знаю, где, но всегда – бойко и искристо.

– Где это ты встретил Рея Смита? – спросили у него, когда мы зашли в «Место», любимый бар всех хепаков на Пляже.

– О, я всегда встречаю своих Бодхисаттв на улице! – завопил он и заказал пива.

То была великая ночь, в очень многих отношениях – историческая ночь. С некоторыми другими поэтами они (а он к тому же писал стихи и переводил китайскую и японскую поэзию на английский) должны были давать вечер в городской «Галерее Шесть»¹⁷. Все собирались в баре и надирались. Но пока собирались и рассаживались, я заметил, что Джафи там один не походил на поэта, хоть поэтом и был самым настоящим. Остальные были либо хеповыми интеллектуалами в роговых очках и с дикими черными волосами, вроде Альвы Гольдбука, либо бледными нежными красавчиками, вроде Айка О’Шея (в костюме), либо запредельно манерными ита-

¹⁶ «Промышленные рабочие мира» (Industrial Workers of the World, с 1905 г.) – рабочая организация, созданная с целью объединения пролетариата в единый всемирный профсоюз для установления всеобъемлющего контроля за экономической деятельностью всех стран.

¹⁷ Гэри Снайдер писал об этом так: «Осенью 1955 года Филип Уэйлен, Джек Керуак, Аллен Гинзберг, Майкл Макклор, Филип Ламантиа и я провели поэтическое чтение в “Галерее Шесть” [на Филлмор-стрит в] Сан-Франциско. Оно стало катализатором дремавшей творческой энергии Сан-Франциско с ее, в сущности, анархо-пацифистским мировоззрением – и помогло явить взору общественности новое поколение писателей, которое стало известно под именем “бит”». Сам Гэри Снайдер впервые читал на этом вечере поэму «Ягодный пир». Это чтение было задумано и организовано сан-францисским художником и сооснователем «Six Gallery» (с 1954 г.) Уолли Биллом Хедриком (1928–2003).

ल्याнцами эпохи Возрождения, вроде Франсиса Дапавия (этот похож на молодого священника), либо длинноволосыми старперами-анархистами в галстуках-бабочках, вроде Рейнгольда Како-этеса, либо толстыми, очкастыми и спокойными растяпами, вроде Воррена Коглина. Остальные же подающие надежды стояли вокруг в разнообразных прикидах – в вельветовых пиджаках, протертых на локтях, в сбитых башмаках, с книгами, торчавшими из карманов. А Джафи был в грубой рабочей одежде, купленной в магазине подержанного платья «Добрая воля»¹⁸; она служила ему и в горах, и в походах, и сидеть по ночам у костра, и ездить стопом взад и вперед по Побережью. На самом деле в рюкзачке у него была и смешная зеленая альпийская шляпа, которую он надевал, доходя до подножия горы – как правило, с йодлем, – перед тем как потопать на несколько тысяч футов вверх. На ногах – горные башмаки, дорогие, итальянские, его гордость и радость: в них он громыхал по опилочному полу бара, как некий допотопный дровосек. Джафи невелик – каких-то пять футов семь дюймов, – но силен, жилист, быстр и мускулист. Лицо его – горестная костяная маска, но глаза поблескивали, как у старых улыбчивых китайских мудрецов, оттеняя грубость привлекательной физиономии с этой его бородежкой. Зубы у него побурели оттого, что в детстве в лесах он за ними не следил, но в глаза это не бросалось, хоть он и широко раскрывал рот, хохоча над какой-нибудь шуткой. Иногда Джафи затихал и лишь печально и сосредоточенно пялился в пол, словно его изводили заботы. Временами бывал весел. Он с большим сочувствием и интересом отнесся ко мне, к истории про бродяжку святой Терезы и к моим рассказам о скитаниях на поездах, стопом или по лесам. Тут же заявил, что я – великий Бодхисаттва, что означает «великое мудрое существо», или «великий мудрый ангел», и своей искренностью украшаю этот мир. Любимый буддийский святой у нас с ним тоже был один – Авалокитешвара, или, по-японски, Каннон Одиннадцатиглавая¹⁹. Джафи знал всякие подробности Махаяны, Хинаяны²⁰, тибетского, китайского, японского и даже бирманского буддизма, но я с самого начала предупредил, что на мифологию мне совершенно плевать, на все имена и национальные оттенки буддизма – тоже, а интересует меня лишь первая из четырех благородных истин Шакьямуни: «Вся жизнь – страдание»²¹. И, до некоторой степени, третья: «Подавления страдания возможно достичь», – но в то время я еще не вполне верил, что это возможно. (Я еще не переварил Писание Ланкаватары²², которое рано или поздно показывает, что в мире нет ничего, кроме самого разума, поэтому возможно все, включая и подавление страдания.) Корешем Джафи был уже упомянутый добродушный и толстый увалень Воррен Коглин, сто восемьдесят фунтов поэтического мяса; Джафи рекламировал его (приватно, на ушко) как нечто большее, чем видно глазу.

– А он кто?

– Мой лучший дружбан из Орегона, мы сто лет с ним знакомы. Сначала кажется, что он глуп и неповоротлив, а на самом деле – сверкающий алмаз. Сам увидишь. Не давай ему себя разделать. У тебя, парень, чердак моментально слетит от его словечек.

¹⁸ «Goodwill Industries International Inc.» (с 1902 г.) – американская неправительственная некоммерческая организация, финансируемая сетью благотворительных розничных магазинов.

¹⁹ Каннон – богиня милосердия в японской мифологии, соответствующая буддийской богине-бодхисаттве Гуаньинь в Китае. Считалась воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, а также помощником будды Амитабхи.

²⁰ Махаяна (*санскр.* «Великая колесница») – одно из двух основных существующих направлений буддизма, путь, проходя по которому, буддисты стремятся достичь Пробуждения во благо всех живых существ. В основе теории и практики Махаяны лежит развитие бодхичитты и внеличностной (запредельной) мудрости Праджняпарамиты. Хинаяна (*санскр.* «малая колесница») – групповое обозначение ранних, южных или не-махаянских школ буддизма, в настоящее время не употребляется, так как считается оскорбительным для последователей второго главного направления буддизма, Тхеравады.

²¹ Четыре благородные истины – одно из базовых учений буддизма, изложенное Буддой Шакьямуни: существует страдание; существует причина страдания – жажда, желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания, – Восьмеричный путь.

²² Ланкаватара сутра (*санскр.* «Сутра явления [Благого Закона] на Ланке») – одна из наиболее почитаемых и священных сутр буддизма Махаяны. Традиционно считается, что эта сутра содержит слова самого Будды, некогда явившегося на острове Ланка после пребывания во дворце царя морских нагов.

– Почему?

– Он великий таинственный Бодхисаттва, может, даже воплощение Асанги, великого древнего ученого Махаяны²³.

– А я кто?

– Почем я знаю, может, козел.

– Козел?

– А может, и грязнуля.

– А кто это – Грязнуля?

– Грязнуля – это когда на твоей козлиной морде грязь. Что бы ты сказал, если б спросили: «Обладает ли пес природой Будды?» – а им ответили: «Гав!»?

– Я бы сказал, что это дзен-буддийские глупости. – Джафи сдал назад. – Слушай, Джафи, – сказал я ему, – я не дзен-буддист, я серьезный буддист, я старомодный мечтательный хинаянский трус поздней Махаяны... – И так далее, на всю ночь: я был убежден, что дзен-буддизм не столько сосредоточивается на доброте, сколько замораживает интеллект, чтоб тот воспринял иллюзорность источников всех вещей. – Он *подлый*, – жаловался я. – Все эти Учителя Дзена швыряют детишек в грязь, поскольку не могут ответить на их глупые словесные вопросы.

– Это потому, что они хотят, чтобы те осознали: грязь лучше слов, парень. – Но я не могу в точности воссоздать весь (постараюсь) блеск ответов Джафи, всех его возражений и подначек, которыми он нервировал и долбил меня все время, не отпуская, – и в конце концов засунул-таки в мою хрустальную голову такое, от чего я пересмотрел планы на жизнь.

Как бы там ни было, я отправился вслед за бандой завывавших поэтов на вечер в «Галерею Шесть», который оказался, помимо всего прочего и не менее важного, еще и рождением Поэтического Ренессанса Сан-Франциско. Там были все. Безумная ночь. А от меня как раз все и завертелось, потому что я прошелся по довольно чопорной аудитории, собирая гроши и четвертаки, и вернулся с тремя огромными, галлонными пузырями калифорнийского бургундского, и все они так нажрались, что к одиннадцати часам, когда Альва Гольдбук читал свою, выл свою поэму «Стон», пьянящий, раскинув руки в стороны, все вопили:

– Давай! Давай! Давай! – (совсем как на джазовом сейшаке), а старый Рейнгольд Какотес, отец фрискинской поэзии, утирал слезы радости. Сам Джафи читал отличные стихи о Койоте, Боге Индейцев с Североамериканских Нагорий (кажется), по крайней мере – индейцев Северо-Запада уж точно, квакиутлей и прочих.

– «Нахуй! – спел Койот и убежал!» – читал Джафи уважаемой публике, а та выла от радости, так невинно это было: грязное словцо «нахуй» выходит таким чистым. У него были и нежные лирические строчки, вроде той, что про медведей, едящих медвяные ягоды, где видна его любовь к животным, и великолепные таинственные строки про буйволов на монгольской дороге, где видно было его знание восточной литературы, вплоть до Сюаньцзана, великого китайского монаха, прошедшего из Китая в Тибет, от Ланьчжоу до Кашгара и в Монголию, держа в руке палочку благовония²⁴. Затем Джафи вдруг демонстрировал кабацкий юмор – строчками, где Койот приносит добряки. А его анархистские идеи, мол, американцы жить не умеют – в строчках про пригородных пассажиров в капканах гостиниц, отделанных бедными деревьями, сваленными мотопилой (к тому же, показано его прошлое лесоруба на Севере). Голос у него был глубок, звучен и как-то храбр – как голоса американских героев и ораторов прежних лет. Мне в нем нравилось нечто честное, сильное и полное человеческой надежды – а прочие поэты были либо слишком утончены в собственном эстетстве, либо слишком истери-

---

²³ Асанга – буддийский мыслитель IV в., один из основателей школы Йогачара.

²⁴ Сюаньцзан (кит. «Таинственный толстяк», 602–664) – китайский буддийский монах, ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан.

чески циничны и ни на что не надеялись, либо слишком абстрактны и замкнуты в себе, либо слишком политичны, либо, как Коглин, слишком невняты (большой Коглин говорил всякое про «непроясненные процессы», хотя там, где он на самом деле считал, будто откровение – личное дело каждого, я заметил сильное буддийское и идеалистическое расположение Джафи, которое тот делил с добродушным Коглином, когда они закореслились в колледже, а я делил с Альвой на Востоке – как и с другими, менее апокалиптичными и прямыми, но ни в коем случае не более благожелательными и слезливыми).

Тем временем толпа народу, запрудившая темную галерею, напряженно вслушивалась в каждое слово этого поразительного концерта поэзии, а я бродил от одной группы к другой, заглядывая в лица и не глядя на сцену, предлагал всем:

– На́ вина из кувшина́, – или пробирался обратно и садился на правом краю эстрады, тихо ухал или одобрительно поддакивал, даже раздражался целыми комментариями, хоть меня никто и не просил – но во всеобщем веселье никто и не порицал. Великая была ночь. Нежный Франсис Дапавия читал по нежным желтым листкам, или розовым, как луковая шелуха, которую он осторожно перебирал длинными бледными пальцами, стихи своего покойного приятеля Альтмана, который съел слишком много пейоты в Чиуауа (или же умер от полиомиелита), но не читал ничего своего – то было само по себе очаровательной элегией в память о мертвом молодом поэте, хватит выжать слезу из Сервантеса в Главе Семь²⁵, – к тому же читал он их нежным, слегка английским голосом, от которого я просто рыдал внутренним смехом, хотя впоследствии хорошо узнал Франсиса, и он мне понравился.

В толпе стояла Роза Бьюкенен, девчонка с короткой стрижкой, рыжая, костлявенькая, приятная, в общем – классная чувиха, подруга всех на Северном пляже, кто хоть чем-то значим, она позировала художникам, сама была писателем и в то время вся просто бурлила от возбуждения, поскольку была влюблена в моего старого кореша Коди.

– Четко, Роза, да? – завопил я, а она хорошенько глотнула из моего пузыря, и глаза ее сверкнули мне. Коди стоял тут же, у нее за спиной, обхватив ее за талию.

В перерывах Рейнгольд Какое́тес поднимался в своей бабочке и ношеном старом пальто и, представляя следующего чтеца, толкал смешные речушки своим гнусным голосом; но, как я уже сказал, к половине двенадцатого все стихи оказались прочитаны, и народ лишь толкся по галерее, пытаясь сообразить, что же это было и будет дальше с американской поэзией вообще, а Какое́тес все тер и тер глаза платком. Мы все подвалили к нему, поэты, и на нескольких машинах двинули в Китай-город на совершенно сказочный ужин, прямо из китайского меню, палочками, с ором посреди ночи, – в какой-то клевый, уматный китайский ресторан Сан-Франциско. Оказалось – любимое заведение Джафи, «Нам Юэнь», и Джафи показал мне, как заказывать, есть палочками, травил анекдоты про Безумцев Дзена с Востока и так меня обрадовал (а у нас была бутылка вина на столе), что я в конце концов подошел к старому повару в дверях кухни и спросил:

– Почему Бодхидхарма пришел с Запада? – (А Бодхидхарма – это индеец, который принес буддизм на Восток, в Китай²⁶.)

²⁵ Аллюзия на конец главы VI тома I «Хитроумного ида́льго Дон Кихота Ламанчского»: «Наконец просмотр книг утомил священника, и он предложил сжечь остальные без разбора, но цирюльник как раз в это время раскрыл еще одну – под названием “Слезы Анджелики”. “Я бы тоже проливал слезы, когда бы мне пришлось сжечь такую книгу, – сказал священник, – ибо автор ее один из лучших поэтов не только в Испании, но и во всем мире, и он так чудесно перевел некоторые сказания Овидия!”» (пер. Н. Любимова). Библиотеку Дона Кихота жгут в главе VII. «Слезы Анджелики» (1586) – поэма испанского поэта Луиса Бараона де Сото (1548–1595) на сюжет, заимствованный из «Неистового Роланда» Ариосто.

²⁶ Бодхидхарма (в Китае также известен под именем Дамо; 440–528/536) – первый патриарх чань-буддизма, основатель учения чань (дзен), 28-й патриарх буддизма. Предание гласит, что около 475 г. н. э. прибыл морским путем в Китай, где, путешествуя, начал проповедовать свое учение, затем поселился в монастыре Шаолинь, незадолго до этого выстроенном на горе Суншань, где основал первую школу чань-буддизма.

– Да плевать, – ответил старик повар, даже не удостоив меня взглядом из-под тяжелых век, и я рассказал об этом Джафи, а тот сказал:

– Совершенный ответ, абсолютно совершенный. Теперь ты понял, что я имел в виду под дзеном.

Мне тоже предстояло многому научиться. В особенности – как обращаться с девчонками; в несравненной манере Безумцев Дзена, которую мне пришлось воочию наблюдать у Джафи на следующей неделе.

3

В Беркли я жил у Альвы Гольдбука в его увитом розами флигельке на задворках большого дома на Мильвия-стрит. Старое сгнившее крыльцо перекошило к земле, и на нем среди лоз стояло милое старое кресло-качалка, где я сидел каждое утро и читал Алмазную сутру. По всему двору росли помидоры, уже почти спелые, и мята, мята, все пахло мятой, и еще одно старое клевое дерево, под которым я любил сидеть и медитировать прохладными, изумительными, звездными ночами в Калифорнии, не сравнимыми в октябре ни с чем на свете. У нас была изумительная кухонька с газовой плитой, но без лёдника, но это не важно. Еще у нас были изумительная маленькая ванная с горячей водой и одна главная комната, сплошь покрытая подушками, соломенными плетеными подстилками, и матрасами для сна, и книгами, книгами, сотнями книг, все – от Катуллы до Паунда, от Блайса²⁷ до пластинок Баха и Бетховена (и даже один свинговый альбом Эллы Фитцджеральд с очень интересным Кларком Терри на трубе²⁸), и очень хороший трехскоростной проигрыватель «Уэбкор»²⁹, который орал так громко, что сносило крышу; да и крыша-то – фанера, стенки – тоже, одну я как-то ночью в очередном безумно-дзенском запое с восторгом пробил кулаком, а Коглин это засек и дюйма на три просунул в дыру голову.

Примерно в миле, если идти по Мильвии, а потом наверх до студгородка Университета Калифорнии, за другим большим домом на тихой улочке (Гиллегасс) жил Джафи – в собственной хижине, которая была бесконечно меньше нашей, где-то двенадцать на двенадцать, и в ней – ничего, кроме типичных пожитков Джафи, кои наглядно показывали его веру в простоту монашеской жизни: ни единого стула, даже сентиментального кресла-качалки не было, одни соломенные циновки. В углу стоял его знаменитый рюкзак с начищенными котелками и сковородками – все увязано, компактно входит одно в другое и завернуто в синий платок. Потом его японские деревянные башмаки *пата*, которые он никогда не надевал, и к ним – пара черных носков: с одной стороны место для четырех пальцев, с другой – для большого; в них он тихо бродил по своим циновкам. У него было множество ящиков из-под апельсинов, наполненных прекрасными учеными книгами, некоторые на восточных языках, все великие сутры, комментарии к ним, полное собрание сочинений Д. Т. Судзуки³⁰ и прекрасный четырехтомник японских хайку. Кроме этого, у него имелось громадное собрание ценной поэзии вообще. На самом деле, если бы к нему забрался вор, ценным у Джафи были только книги. Носил он всякие обноски и старье, с озадаченным и счастливым лицом покупаемое в «Доброй воле» и магазинах Армии спасения³¹: штопанные шерстяные носки, цветные майки, джинсы, рабочие рубашки, мокасины, несколько свитеров под горло, надеваемых один под другой холодными ночами в Высоких Сьеррах Калифорнии или в Больших Каскадных горах Вашингтона и Орегона в невероятных долгих прогулках, длившихся иногда неделю за неделей, а в рюкзаке лишь несколько фунтов сушеного провианта. Из апельсиновых ящиков у него был составлен

²⁷ Гай Валерий Катулл (ок. 87 г. до н. э. – ок. 54 г. до н. э.) – один из наиболее известных поэтов Древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря. Эзра Уэстон Лумис Паунд (1885–1972) – американский поэт, переводчик, литературный критик, один из основоположников англоязычной модернистской литературы. Реджиналд Хорес Блайс (1898–1964) – британский японист и синолог, автор работ по хайку и дзен-буддизму.

²⁸ Элла Джейн Фитцджеральд (1917–1996) – американская джазовая певица. Кларк Вёрджил Терри-мл. (1920–2015) – американский свинговый и бибоповый трубач, композитор.

²⁹ «Webcor» (1914–1967) – марка бытовой аудиотехники производства «The Webster Chicago Corporation».

³⁰ Дайсэцу Тэйтаро Судзуки (1870–1966) – японский буддолог, философ, психолог, один из ведущих популяризаторов дзен-буддизма на Западе.

³¹ «Salvation Army» – евангелистская религиозно-благотворительная организация, создана в 1865 г. в Лондоне методистским священником Уильямом Буттом; в США начала действовать с 1880 г.

стол, на котором как-то под конец солнечного дня, когда я пришел, дымилась мирная чашка чая, а Джафи серьезно склонялся над китайскими иероглифами поэта Ханьшаня. Коглин дал мне адрес, и я приехал и первым делом увидел велосипед Джафи на лужайке перед большим домом (там жила сама хозяйка), потом – несколько странных на вид валунов и камней и смешные деревца, которые Джафи притаскивал из горных походов, чтобы рассадить у себя в «японском чайном садике», или в «садике чайного домика», поскольку над его маленьким жилищем шелестела очень удобная сосна.

Открыв его маленькую дверь тем довольно прохладным красным вечером и заглянув внутрь, я увидел самую мирную сцену в жизни: Джафи сидел по-турецки в дальнем углу хижины на пестрой пейслийской подушке, брошенной на соломенную циновку, на носу очки, в которых он выглядел старым, ученым и мудрым, с книгой на коленях, рядом – жестяной чайничек и дымящаяся фаянсовая чашка. Джафи весьма мирно оторвался от книги, посмотрел, кто пришел, и произнес:

– Заходи, Рей, – и снова склонился над рукописью.

– Чего делаешь?

– Перевожу великое стихотворение Ханьшаня, называется «Холодная гора» и написано тысячу лет назад, причем некоторые строки начертаны на утесах в сотнях миль от каких бы то ни было людей.

– Ух ты.

– Когда заходишь в этот дом, снимай ботинки, видишь – циновки, обувью можно испортить. – Поэтому я снял мягкие синие парусиновые тапки, послушно поставил у дверей, Джафи кинул мне подушку, и я сел, скрестив ноги, у дощатой стены, а он предложил мне горячего чая. – Когда-нибудь «Книгу Чая»³² читал? – спросил он.

– Нет, это что?

– Ученый трактат о том, как готовить чай, пользуясь всем двухтысячелетним знанием о заваривании чая. Некоторые описания воздействия первого глотка, второго и третьего – вообще дикие и экстазные.

– Эти парни просто с ничего торчали, а?

– Пей чай, сам увидишь: это хороший зеленый чай. – Чай и впрямь был хорош, мне сразу же стало спокойно и тепло. – Хочешь, почитаю тебе из этого стихотворения Ханьшаня? Давай вообще о нем расскажу?

– Давай.

– Ханьшань, видишь ли, был китайским ученым, которому надоел город, и мир тоже, и он скрылся в горах.

– Слушай, совсем как ты.

– Только в то время это действительно можно было сделать. Он поселился в пещерах неподалеку от буддийского монастыря в тяньцзинском районе Тяньтай, и единственным другом ему был смешной Безумец Дзена по имени Шидэ, который подметал монастырь соломенной метлой. Шидэ тоже был поэт, но почти ничего не записывал. Время от времени Ханьшань спускался с Холодной горы в своем одеянии из древесной коры, заходил в теплую кухню и ждал, когда ему дадут еды, но ни один монах не хотел его кормить, поскольку Ханьшань не желал вступать в орден и трижды в день отзываться на колокол к медитации. Видишь, вот почему в некоторых своих высказываниях, типа... слушай, я буду смотреть сюда и читать тебе прямо с китайского. – И я перегнулся ему через плечо и стал смотреть, как он читает эти дикие вороньи лапки иероглифов. – «Взбираюсь вверх по тропе на Холодную гору, тропа на Холодную гору вьется все дальше, длинное горло ущелья давится щебнем и валунами, широкий ручей и трава,

---

³² «Книга чая» (яп. «Cha no Hon», 1906) – публицистическая работа японского писателя и художественного критика Окакуры Какудзо (1863–1913) о чайной церемонии.

белесая в тумане, мох скользкий, хотя дождя не было, сосна поет, хотя нет ветра, кто может оторваться от уз мира и присесть со мною среди белых облаков?»

– Ух ты.

– Это, конечно, мой собственный перевод на английский, видишь – на каждую строчку по пять знаков, а мне приходится вставлять западные предлоги, артикли и все такое.

– А чего не переводишь, как есть: пять знаков – пять слов? Что тут в начале?

– Знак «взбираться», знак «вверх», знак «холодный», знак «гора», знак «тропа».

– Ну вот так и переводи: «Карабкаюсь вверх тропой Холодной горы».

– Ага, а что тогда делать со знаком «длинный», знаком «горловина», знаком «забитый», знаком «обвал», знаком «валуны»?

– Где это?

– Третья строчка, тогда придется читать: «Длинная горловина забита валунами обвала».

– Да ведь так даже лучше!

– Н-ну да, я об этом тоже думал, но надо, чтоб одобрили универовские спецы по китайскому и чтоб по-английски звучало нормально.

– Слушай, какая четкая штука, – я оглядел его маленькую хижину, – и ты тут такой сидишь себе тихо, в этот тихий час, занимаешься совсем один, в очках...

– Рей, тебе вот что надо – как можно скорее пойти со мною в горы. Хочешь залезть на Маттергорн?

– Клево! А где это?

– В Высоких Сьеррах. Можем поехать туда с Генри Морли на его машине, взять рюкзаки и пойти от озера. Я к себе сложу еду и все, что нам понадобится, а ты попросишь маленький мешок у Альвы и прихватишь сменные носки, обувь и все остальное.

– А это что за иероглифы?

– Здесь написано, что Ханьшань после многих лет скитаний по Холодной горе спустился повидаться с родней в городе – и говорит: «До недавнего времени я жил на Холодной горе» и так далее, «вчера зашел к друзьям и семье, и больше половины их пропало в Желтых источниках», это значит смерть – Желтые источники, «а нынче утром я – лицом к лицу с моей одинокой тенью, не могу заниматься – глаза полны слез».

– И это совсем как у тебя, Джафи: заниматься, когда глаза полны слез.

– Да нет у меня в глазах никаких слез!

– А разве их не будет через много-много лет?

– Конечно, будут, Рей... и еще вот смотри: «В горах холодно, здесь всегда было холодно, не только в этом году», – видишь, он в натуре высоко, может двенадцать или тринадцать тысяч футов или даже больше, в вышине – и говорит: «Зазубренные обрывы всегда заснежены, леса в темных ущельях изрыгают туман, трава в конце июня только пробивается, а в начале августа листья уже опадают, и я вот здесь, летаю высоко, как торчок...»

– Как торчок!

– Это мой перевод, на самом деле он говорит: «Вот я здесь, высоко, как сенсуалист из города внизу», – но я осовременил и облагородил.

– Четко.

Я спросил, почему Ханьшань стал для Джафи героем.

– Потому что, – ответил он, – Ханьшань был поэт, горный человек, буддист, преданный принципу медитации на сущность всех вещей, к тому же, кстати, вегетарианец, но по этому оттягу я еще не встрял; я прикинул, что, наверно, в этом современном мире быть вегетарианцем слегка отдаст занудством, поскольку все разумные существа едят что могут. А он был человек уединения, мог отчалить сам по себе и жить чисто и верно самому себе.

– И это совсем как у тебя.

– И как у тебя тоже, Рей, я ведь не забыл, что ты рассказывал мне, как в лесах медитировал в Северной Каролине и всякое такое. – Джафи стал очень печален, тих, я никогда не видел его таким спокойным, меланхоличным, задумчивым, голос его звучал нежно, как у мамы, казалось, он говорит откуда-то издалека с бедным страждущим существом (мною), кому необходимо услышать его призыв, он нисколько не прикидывался, он действительно был немного в трансе.

– Ты сегодня медитировал?

– Ага, я медитирую утром первым делом до завтрака и всегда подолгу медитирую днем, если меня не сбивают.

– Кто тебя сбивает?

– Ох, люди. Иногда Коглин, а вчера пришел Альва, и Рол Стурласон, и еще ко мне эта девчонка приходит поиграть в ябьюм.

– Ябьюм? Это что?

– Ты не знаешь про ябьюм, Смит? Потом расскажу. – Видимо, ему слишком грустно говорить сейчас о ябьюме, про который я узнал пару ночей спустя. Мы еще немного поговорили о Ханьшане и стихах на скалах, и, когда я уже уходил, пришел его друг Рол Стурласон, высокий светловолосый симпатяга, – обсудить их предстоящую поездку в Японию. Этого Рола Стурласона интересовал знаменитый сад камней Рёан-дзи монастыря Сёкокудзи в Киото³³, где были одни старые валуны, расставленные якобы в соответствии с мистической эстетикой, чтоб тысячи туристов и монахов каждый год совершали туда паломничество – потаращиться на валуны в песке и через это обрести безмятежность духа. Я никогда не встречал настолько нелепых, но все же настолько серьезных и искренних людей. И больше ни разу не видел Рола Стурласона – он вскоре уехал в Японию, но никогда не забуду, что он сказал про эти валуны в ответ на мой вопрос:

– Ну а кто же расставил их в этом особом порядке, который такой клевый?

– Никто не знает – какой-нибудь монах или монахи, очень давно. Но в расположении камней есть определенная таинственная форма. Только через форму мы можем постичь пустоту. – Рол показал мне фотографию этих валунов в песке, хорошо причесанном граблями: валуны похожи на острова в море, будто у них глаза (откосы), а вокруг аккуратно закрытая ширмами строгая монастырская терраса. Потом Рол вытащил схему расстановки камней, вид сбоку, и объяснил ее геометрическую логику и все такое, роняя фразы вроде «одиноким индивидуальности», и что камни – «бугры, вторгающиеся в пространство», и все это означает что-то связанное с коанами³⁴, которые меня интересовали не так сильно, как он сам, а особенно – как милый добрый Джафи, заваривший нам еще чаю на своем шумном керосиновом примусе и подавший новые чашки почти что с безмолвным восточным поклоном. Все это довольно сильно отличалось от того поэтического вечера.

---

³³ Рёан-дзи (яп. «храм покоящегося дракона») – буддийский храм в районе Укё города Киото, Япония. Храм принадлежит к ветви Мёсин-дзи дзен-буддийской школы Риндзай-сю. Построен Хосокавой Кацумото в 1450 г. В первоначальном виде до наших дней не сохранился, знаменит своим садом камней: Сухим садом, созданным в 1499 г. мастером Соами (ум. 1525).

³⁴ Коан (яп. калька кит. гунъань) – короткое повествование, вопрос, диалог, обычно не имеющие логической подоплеки, зачастую содержащие алогизмы и парадоксы, доступные скорее интуитивному пониманию, чья цель – придать определенный психологический импульс ученику для возможности достижения просветления или понимания сути учения. Жанр, специфичный для дзен-буддизма, в особенности – для школы Риндзай.

4

А назавтра около полуночи Коглин, я и Альва собрались и решили купить большой галлон бургундского и завалить к Джафи.

– Что он сегодня делает? – спросил я.

– О, – сказал Коглин, – может, занимается, может, трахается – посмотрим. – Мы купили пузырь далеко на Шаттак-авеню, приехали к Джафи, и я опять увидел его жалкий английский велосипед. – Джафи ездит на этом велике целыми днями взад и вперед по Беркли с рюкзаком за спиной. Раньше он так разъезжал по колледжу Рид в Орегоне³⁵. Он там был достопримечательность. Мы такие винные попойки закатывали, имели девчонок, а в конце прыгали в окна и всякие прочие студенческие фортели выкидывали по всему городу.

– Ну он и чудной, – сказал Альва, прикусив губу в изумлении: он сам вел тщательное и заинтересованное исследование нашего странного шумно-спокойного друга. Мы снова ввалились в маленькую дверь, Джафи снова оторвался от книги, которую изучал, опять сидя по-турецки, – только теперь это была американская поэзия, – и странно культурным тоном вымолвил:

– Ах. – Мы сняли обувь и прошлепали пять шагов по соломе, сели с ним рядом, но я замешкался с тапками, повернулся и показал ему издали пузырь, а Джафи вдруг взревел: – Ага-а-ааа! – и прямо оттуда подпрыгнул вверх и перелетел через всю комнату ко мне, приземлился в позе фехтовальщика с кинжалом, откуда-то взявшимся у него в кулаке, и слегка тронул кончиком бутылочное стекло с отчетливым «звук». Я в жизни не видал прыжков поразительней, разве что у чокнутых акробатов, очень похоже на прыжок горного козла, коим, как потом выяснилось, Джафи и был. Еще он мне напомнил японского самурая: ревуший вопль, прыжок, позиция и эта маска комического гнева – смешная рожа с выпученными глазами, которую он мне соорудил. У меня сложилось впечатление, что тем самым он жаловался на наше вторжение, что мы притащили вино, отчего он напьется и не сможет провести запланированный вечер за чтением. Однако без лишней волокиты Джафи откупорил бутылку, хорошенько глотнул, и мы все уселись по-турецки и четыре часа орали друг другу разные новости – ночка веселая как не знаю что. Отчасти типа вот:

ДЖАФИ: Ну, Коглин, старый пердун, чего подельвал?

КОГЛИН: Ничё.

АЛЬВА: Что это за странные книги у тебя тут? Хм, Паунд, тебе нравится Паунд?

ДЖАФИ: Если не считать, что этот мудила навставлял везде японское имя Ли Бо и получила известная лажа³⁶, то он ничего – на самом деле, мой любимый поэт.

РЕЙ: Паунд? У кого это любимый поэт – такой претенциозный псих?

ДЖАФИ: Выпей вина, Смит, ты несешь чепуху. Кто у тебя любимый поэт, Альва?

РЕЙ: А почему никто не спрашивает про *моего* любимого поэта? Я знаю о поэзии больше, чем вы все, вместе взятые.

ДЖАФИ: Да ну?

АЛЬВА: Возможно. А ты не видел новую книжку стихов Рея? – он ее только что написал в Мексике? «колесо подрагивающего мясного зачатия вращается в пустоте, изгоняя нервный тик, дикобразов, слонов, людей, звездную пыль, дураков, ерунду...»

РЕЙ: Там все не так!

ДЖАФИ: Кстати, о мясе – читали новую поэму этого...

³⁵ «Рид-колледж» (с 1908 г.) – частный гуманитарный университет в Портленде, Орегон.

³⁶ См., в частности, стихотворный цикл «Катай» (1915), где Эзра Паунд собрал свои вольные переводы из Ли Бо, называя его японским именем Рихаку. Ли Бо (Ли Тай-бо, совр. произн. Ли Бай, 701–762/763) – китайский поэт династии Тан.

И т. д., и т. п., пока наконец все не распалось на дикий фестиваль болтовни, воплей и в конце концов – песен, и все катались по полу от хохота, и закончилось тем, что Альва, Коглин и я, держась за руки, вывалились на тихую университетскую улочку, распевая «Эли, Эли»³⁷ во всю глотку, уронили пустой пузырь прямо себе под ноги – вдребезги, а Джафи ржал из своей дверцы. Но из-за нас он вечером не позанимался, и мне от этого было нехорошо, пока на следующий вечер он не возник у нас во флигеле с хорошенькой девушкой и, войдя, не приказал ей раздеваться, что та сразу же исполнила.

---

³⁷ Первая строка песни «Дорога в Кейсарию» (*ивр.* «Eli, Eli, shelo yigamer le'olam...» – «Боже, боже, пусть это никогда не кончится») израильского композитора Давида Зехави (1910–1975) на стихи еврейской поэтессы Ханны Сенеш (1921–1944).

5

Это соответствовало теориям Джафи о женщинах и плотской любви. Я забыл сказать, что в тот день, когда к нему пришел художник по валунам, сразу за ним вошла какая-то блондинка в резиновых сапогах и тибетском ватнике с деревянными пуговицами и в общем разговоре поинтересовалась насчет наших планов забраться на Маттергорн и спросила:

– А мне с вами можно? – поскольку сама была немножко скалолазка.

– Ка-анешна, – ответил Джафи тем смешным голосом, каким говорил, когда шутил с кем-нибудь: так низко и громко разговаривал какой-то его знакомый лесоруб с Северо-Запада, на самом деле объездчик, старина Берни Баерс. – Ка-анешно, давай с нами, и мы все тебя трахнем на высоте десять тысяч футов. – И так он это произнес, что прозвучало смешно и обыденно, а фактически – серьезно, и девушку ничуть не шокировало, наоборот – как-то обрадовало. В том же духе он теперь привел и эту девчонку – Принцессу – к нам во флигель, было около восьми часов, уже стемнело, мы с Альвой тихонько прихлебывали чай и читали стихи или печатали их на машинке, и тут во двор въезжают два велосипеда: Джафи – на своем, Принцесса – на своем. У Принцессы были серые глаза, желтые волосы, она была очень красивой, и лет ей всего было двадцать. Про нее надо сказать еще одно: она сходила с ума по сексу и по мужикам, поэтому не было особых проблем убедить ее поиграть в ябьюм.

– Ты разве не знаешь про ябьюм, Смит? – раскатисто осведомился Джафи, вваливаясь внутрь в сапожищах и держа Принцессу за руку. – Мы с Принцессой, парень, приехали тебе показать.

– Возражений нет, – сказал я, – чем бы оно ни было.

Мало того, я и раньше знал Принцессу, сходил по ней с ума в Городе около года назад. Просто еще одно дикое совпадение – она потом встретила Джафи, влюбилась в него, и притом – до безумия, сделала бы все, что б тот ей ни сказал. Всякий раз, когда к нам во флигель заходили люди, я накрывал лампочку на стене красной косынкой и гасил большой свет, чтобы можно было уютно сидеть в прохладном красноватом сумраке, пить вино и разговаривать. Я и теперь так сделал и вышел принести из кухни бутылку, а когда вернулся, не поверил глазам: Джафи и Альва раздевались, как попало раскидывая одежду, а Принцесса стояла в чем мать родила, ее кожа белела как снег, когда солнце в сумерках окрашивает его красным, в этом красноватом полусвете.

– Вот черт, – вымолвил я.

– Вот что такое ябьюм, Смит, – сказал Джафи и уселся, скрестив ноги, на подушку на полу и подозвал Принцессу, которая подошла и села на него сверху, лицом к нему, обняла его за шею, и они сидели вот так, некоторое время ничего не говоря. Джафи совершенно не нервничал, не смущался, а просто сидел в совершенной форме, иного я от него и не ожидал. – Вот так делают в тибетских храмах. Это святая церемония, она проводится перед поющими жрецами. Люди молятся и повторяют «Ом Мани Падме Хум», что означает «Аминь Гром Небесный В Темной Пустоте»³⁸. Я – гром небесный, а Принцесса – темная пустота, понятно?

– Но она-то о чем думает? – воскликнул я чуть ли не в отчаянии: у меня были такие идеалистичные устремления к этой девушке в прошлом году, и меня целыми часами грызло, стоит ли соблазнять ее, потому что она так молода и все такое прочее.

– Ой как славно, – сказала Принцесса. – Давай попробуй.

---

³⁸ Одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны, особенно характерная для тибетского буддизма, шестислоговая мантра бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары. Мантра в особенности ассоциируется с Шадакшари (Господином Шести слогов) – воплощением Авалокитешвары.

– Но я не умею так сидеть. – Джафи сидел в полной позе лотоса, как она называется, положив лодыжки на бедра. Альва сидел на матрасе, тоже пытаясь вывернуть пятки вверх. Наконец ноги у Джафи заболели, и они с Принцессой просто опрокинулись на матрас, где и Альва, и Джафи начали исследовать территорию. Я по-прежнему не верил своим глазам.

– Снимай все и присоединяйся, Смит! – Но, помимо всего прочего, чувств насчет Принцессы, я провел целый год в безбрачии, основанном на убеждении, что похоть – непосредственная причина рождения, кое непосредственная причина страдания и смерти, и я вот, ей-ей не вру, дошел до того, что считал похоть оскорбительной и даже жестокой.

«Хорошенькие девушки могилы роют» – такая была у меня поговорка всякий раз, когда случалось невольно оглянуться на несравненных красоток индейской Мексики. А отсутствие активной похоти к тому же даровало мне новую мирную жизнь, которой я сильно наслаждался. Но вот это уже чересчур. Я все-таки боялся снять одежду; к тому ж никогда не любил раздеваться прилюдно, когда передо мной больше одного человека, а особенно если рядом мужчины. Но Джафи не стал орать как идиот по этому поводу и довольно скоро уже ублажал Принцессу, затем настала очередь Альвы (с его большими серьезными глазами в этом сумрачном свете, а всего минуту назад он читал стихи). Поэтому я сказал:

– Как по части мне начать с ее руки?

– Давай, клево. – И я дал, улегшись на пол прямо в одежде, и стал целовать ей руку, запястье, потом выше, к телу, а она смеялась и чуть не плакала от восторга, что ею занимаются везде. Все мирное безбрачие моего буддизма уходило коту под хвост. – Смит, я не доверяю никакому буддизму, никакой философии или социальной системе, которые отменяют секс, – довольно учено изрек Джафи, уже закончив и усевшись голым по-турецки, сворачивая себе папироску из «Булл Дурхама»³⁹ (самопальное курево входило в его «упрощенную» жизнь). Все завершилось тем, что мы голышом варили себе на кухне веселый кофе, а обнаженная Принцесса лежала на боку прямо на кухонном полу, обхватив колени руками, – просто так, лежала просто так, а потом мы с нею залезли вместе в теплую ванну и слышали оттуда, как Альва в другой комнате обсуждает с Джафи оргии Дзенского Безумия Свободной Любви.

– Эй, Принцесса, будем так делать по вечерам каждый четверг, а? – завопил Джафи. – Регулярно.

– Ага! – отозвалась Принцесса из ванны. Говорю вам, она точно была рада и сказала мне: – Знаешь, я будто мать всех вещей, мне нужно заботиться о детках.

– Ты же сама такая молоденькая.

– Но я – древняя мать земли. Я Бодхисаттва. – Она была немного поехавшая, но, услышав, как она произнесла «Бодхисаттва», я понял, что она хотела стать Буддистом с большой буквы, как Джафи, а для девушки единственный способ выразить это именно таков – с традиционными корнями в тибетской буддийской церемонии ябьюм, поэтому с ней все прекрасно⁴⁰.

Альва был невероятно доволен, целиком и полностью за «каждый четверг», да и я теперь тоже.

– Альва, Принцесса говорит, что она – Бодхисаттва.

– Конечно, Бодхисаттва.

– Она говорит, что она – мать всех нас.

– Женщин-Бодхисаттв в Тибете и некоторых районах Древней Индии, – сказал Джафи, – брали в храмы, а иногда в ритуальные пещеры как святых наложниц, им это шло в заслуги, и они тоже медитировали. Все – и мужчины, и женщины – медитировали, постились, закатывали

³⁹ «Bull Durham» – первая общенациональная американская марка табака, производившаяся северокаролинской компанией «W.T. Blackwell & Co. Tobacco» с 1874 г.

⁴⁰ Яб-юм (тиб. «отец-мать», санскр. «юганаддха», досл. «соединение») – в буддийской иконографии (танках) изображение божеств и будд в любовном соитии (майтхуна) со своими супругами. Прием восходит к традициям Тантры и обозначает собой единение двух противоположных начал, мужского и женского.

себе вот такие балёхи, опять ели, пили, беседовали, бродили по окрестностям, в дождливое время жили в вихарах⁴¹, а когда сухо – под открытым небом, и у них не возникало вопроса, что делать с сексом, вот что мне всегда и нравилось в восточной религии и вот что меня всегда поражало в наших индейцах... Знаете, пацаном в Орегоне я совсем не чувствовал себя американистом, с их пригородными идеалами, подавлением секса и вообще этой тоскливой серой газетной цензурой всех наших подлинных человеческих ценностей, но когда я открыл для себя буддизм и все прочее, я вдруг ощутил, что жил в предыдущей жизни бесчисленные века назад, а теперь из-за ошибок и грехов в той жизни сброшен в более скорбное царство бытия и такова моя карма⁴² – родиться в Америке, где никому не в кайф, никто ни во что не верит, а тем паче – в свободу. Вот почему еще я всегда сочувствовал освободительным движениям, к примеру – анархизму у нас на Северо-Западе, старым героям «эвереттской бойни»⁴³ и прочим... – Вечер закончился долгим искренним обсуждением подобных предметов, и Принцесса в конце концов оделась, и они с Джафи поехали на велосипедах домой, а мы с Альвой остались сидеть друг напротив друга в красноватом полумраке.

– Но вот знаешь, Рей, Джафи все-таки крутой – дичайший, безумнейший, крутейший кошак, которого мы встречали. И я в нем то люблю, что он – действительно герой всего Западного побережья, ты понял, я уже здесь два года и еще не встречал таких, кого стоило бы знать, вообще ни единого человека с подлинно просветленным разумом, я уж и надежду потерял по части Побережья. Помимо всего, что у него за спиной, – восточное образование, Паунд, пейзажи, видения, горы, бхикку, ух, Джафи Райдер – великий новый герой американской культуры.

– Он безумен, – согласился я. – И еще мне в нем вот что нравится: его спокойные печальные моменты, когда он много не говорит...

– Да-а, интересно, что с ним станет в конце.

– Я думаю, кончит как Ханьшань – поселится один в горах, будет писать стихи на стенах утесов или петь их толпам, собирающимся у его пещеры⁴⁴.

– Или, может, поедет в Голливуд и станет кинозвездой – знаешь, он тут как-то сказал сам, он сказал: «Альва, знаешь, я никогда не думал уйти в кино и стать звездой, я могу делать что угодно, я ведь этого еще не пробовал», – и я ему поверил, он действительно все может. Ты видел, как он Принцессу всю вокруг себя обернул?

– Да, точно, – а позже, когда Альва уснул, я сидел под деревом во дворе и смотрел вверх на звезды или закрывал глаза и медитировал, пытаюсь успокоить себя и снова вернуться к себе нормальному.

Альва заснуть так и не смог, тоже вышел, растянулся на травке, глядя в небо, и сказал:

– Большие облака пара проходят сверху в темноте, от этого я понимаю, что мы живем на действительно планете.

– Закрой глаза и увидишь гораздо больше.

---

⁴¹ Вихара – санскритское и палийское название для буддийского монастыря. Так же называется особый род искусственных пещер в скалах Индостана, служивших жилищем для буддийских монахов.

⁴² Карма – одно из центральных понятий в индийских религиях и философии, вселенский причинно-следственный закон, согласно которому праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения. Карма лежит в основе причинно-следственного ряда, называемого «сансарой», и используется в основном для понимания связей, выходящих за пределы одного существования.

⁴³ «Эвереттская бойня» – самое кровавое событие в рабочем движении Тихоокеанского Северо-Запада США: расстрел 250 членов организации «Промышленные рабочие мира» у причалов городка Эверетт, Орегон, 15 ноября 1916 г.

⁴⁴ С 1959 г. Гэри Снайдер жил преимущественно в Японии, в 1961–1962 гг. совершал паломничество по ашрамам Индии. В 1961 г. встретился с Далай-Ламой, которого считает своим духовным наставником. В 1966 г. вернулся в Японию по стипендии Фонда Боллинген изучать традиционные монашеские методы обучения дзена Риндзай. Он – автор более десятка поэтических и публицистических книг, в совершенстве знает японский язык, бегло читает по-китайски. Любит мужество, многоженство, многомужество, рододендроны и перепелятников, терпеть не может Нью-Йорк, который, по его мнению, давно следовало сровнять с землей и превратить в выгон для бизонов.

– Ох, я не понимаю, о чем ты вообще! – раздраженно ответил он. Его вечно раздражали мои маленькие лекции об исступлении самадхи⁴⁵ – это такое состояние, которого достигаешь, когда прекращаешь всё, останавливаешь разум и закрытыми глазами видишь какой-то вечный многорой некой электрической Силы, что завывает на месте просто жалких образов и форм предметов, которые вообще лишь воображаемы. И если вы мне не верите, вернитесь через миллиард лет и попробуйте опровергнуть. Ибо что есть время? – А тебе не кажется, что гораздо интереснее просто быть как Джафи: иметь девчонок, заниматься, оттягиваться и просто что-то делать, а не глупо рассиживать под деревьями?

– Не-а, – ответил я, не кривя душой и зная, что Джафи со мной бы согласился. – Джафи всего лишь развлекает себя в пустоте.

– Вряд ли.

– Спорим? На следующей неделе я иду с ним в горы, там все выясню и расскажу.

– Ну, – (вздых) – а я уж лучше останусь Альвой Гольдбуком, и ну ее к чертям, всю эту буддийскую хренотень.

– Когда-нибудь пожалеешь. Почему ты никак не поймешь, что я пытаюсь тебе сказать: тебя дурачат именно твои шесть чувств – заставляют верить, будто у тебя эти шесть чувств не только есть, но и помогают быть в контакте с действительным внешним миром. Если б не глаза, ты б меня не видел. Если б не уши – не слышал вон тот самолет. Если б не нос – не чуял полночной мяты. Если б не язык – не отличил А от Б. Если б не тело – не почувствовал Принцессу. Здесь нет ни меня, ни самолета, ни разума, ни Принцессы, нет ничего – да елки же палки, неужели ты хочешь и дальше оставаться в дураках всю свою дурацкую жизнь до минуты?

– Да, я больше ничего не хочу и благодарю Бога, что из ничто получается нечто.

– Ну, тогда у меня есть для тебя новости: все как раз наоборот, это из нечто вышло ничто, и это нечто – Дхармакая, тело Истинного Значения⁴⁶, а это ничто – вот оно, вся эта галиматья и болтология. Я иду спать.

– Ну, я иногда вижу проблеск просветленности в том, что ты пытаешься сказать, но поверь мне, я получаю больше сатори⁴⁷ от Принцессы, чем от слов.

– Это сатори твоей глупой плоти, развратник.

– Я знаю, мой Искупитель жив.

– Какой искупитель и как жив?

– Ох, кочумай и будем просто жить!

– Херня, когда я думал так, как ты, Альва, я был просто жалок, за все подряд хватался – совсем как ты сейчас. Ты хочешь одного – выскочить, трахнуться, побиться, запутаться, составить, заболеть, чтобы тебя поколотило сансарой, ты, ебаное мясо вечного возвращения, и так тебе и надо.

– Это некрасиво. Все слезливы, все стараются жить с тем, что у них есть. От буддизма ты стал жесток, Рей, из-за него ты даже боишься раздеться ради простой и полезной для здоровья оргии.

– Ну я же в конце концов разделся, нет?

– Но с таким снобизмом... ладно, хватит.

---

⁴⁵ Самадхи (от *санскр.* «умственная, или внутренняя, собранность») – термин, используемый в индуистской и буддийской медитативных практиках: состояние, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания, снятии противоречий между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом). В буддизме самадхи – последняя ступень Благородного восьмеричного пути, подводящая человека вплотную к нирване.

⁴⁶ Дхармакая (*санскр.* «сущностное тело», «тело Дхармы») или Ваджракая (*санскр.* «алмазное тело») – высшее из трех тел Будды, абсолютное проявление духовной сущности, сущность мироздания, постижимая только посредством высшего просветления, соответствует сфере без форм (образов).

⁴⁷ Сатори (*яп.*; *санскр.* самбодхи – *букв.* «просветление») – в медитативной практике дзен внутреннее персональное переживание опыта постижения истинной природы через достижение «состояния одной мысли» (*санскр.* дхьяна или *яп.* дзен).

Альва пошел спать, а я сел, закрыл глаза и подумал: «Это мышление прекратилось», – но, поскольку мне пришлось-таки об этом подумать, никакого мышления не прекратилось, но меня поистине окатило волной радости от знания того, что все эти пертурбации – лишь сон, и он кончился, и мне уже не нужно беспокоиться, поскольку я – не «я», и я молился, чтобы Бог, он же Татхагата, дал мне довольно времени, довольно здравого смысла и силы, чтоб я сумел сказать людям то, что знаю (чего и сейчас сказать как надо не могу), чтоб и они узнали то, что знаю я, и слишком не отчаивались. Старое дерево молча и задумчиво нависало надо мной, живое тоже. Я слышал, как в садовых сорняках похрапываетмышь. Крыши Беркли выглядели жалким живым мясом, укрывающим скорбящие фантомы от вечности небес, с которой те боялись встретиться. Когда я отправился баиньки, меня не увлекала никакая Принцесса, никакое желание никакой Принцессы, ничье неодобрение, мне было радостно, и спал я хорошо.

6

И вот настало время нашего большого горного похода. Джафи заехал за мной на велике в конце дня. Мы вытащили рюкзак Альвы и сложили его в велосипедную корзинку. Я достал носки и свитера. Не было у меня лишь горной обуви, подходили только теннисные тапочки Джафи, старые, но прочные. Мои собственные были слишком расхлябанны и драны.

– Может, Рей, так даже лучше: в тапках ногам легко, и ты сможешь прыгать по валунам безо всякого. Мы, конечно, иногда будем меняться обувью, и все будет ништяк.

– А как с едой? Ты что берешь?

– Ну, прежде, чем я скажу тебе про еду, Ре-ей, – (иногда он называл меня по имени, и всегда звучало печально и протяжно – «Ре-е-ей», – будто его беспокоило мое благополучие), – я беру тебе спальник, это не пуховик, как у меня, и, само собой, намного тяжелее, но в одежде и возле большого доброго костра тебе в нем будет удобно.

– В одежде – да, а зачем костер, сейчас ведь еще октябрь?

– Ага, но там в октябре уже все замерзает, Ре-ей, – печально ответил он.

– Ночью?

– Ну да, а днем еще совсем тепло и хорошо. Знаешь, старина Джон Мьюир⁴⁸, бывало, ходил в эти горы, куда мы идем, в одной старой армейской шинели и с бумажным пакетом сухарей: спал в шинели, размачивал сухари в воде, когда хотел есть, и бродил вот так вот целыми месяцами, пока не забредал обратно в город.

– Господи боже мой, как он, должно быть, крут!

– Теперь про еду: я сходил на Маркет-стрит, на рынок «Хрустальный дворец»⁴⁹, купил там любимой крупы – булгура, это что-то типа болгарской дробленой пшеницы, я замешаю в нее бекон кусочками, маленькими кубиками такими, и это для всех нас будет прекрасный ужин – для нас с тобой и Морли. Еще я беру чай, под холодными звездами всегда хочется хорошую чашку горячего чая. Беру настоящий шоколадный пудинг, не это быстрорастворимое фуфло, а добрый шоколадный пудинг, который доводишь до кипения, помешивая на костре, а потом он остывает в снегу.

– Ого!

– Поэтому вместо рисового, который я беру с собой обычно, на этот раз, я подумал, стоит взять для тебя хороший такой деликатес, Ре-ей, а еще в булгур я зашвырну всяких сушеных овощей тоже кубиками, я их купил в лыжном магазине. Из этого мы будем готовить себе ужин и завтрак, а чтобы пополнять энергию – вот такой здоровый мешок орехов с изюмом, а еще один мешок кураги и чернослива укрепит нас гораздо круче. – И он показал мне этот самый – крохотный – кулек, куда уложилось все насущное питание для трех взрослых людей на двадцать четыре часа, или даже больше, лазанья по большим высотам. – Когда идешь в горы, главное – брать как можно меньше веса, мешки там тяжелеют.

– Но боже мой, нам же этого не хватит!

– Хватит, от воды разбухнет.

– А вино берем?

– Нет, наверно оно ни к чему – как заберешься на верхотуру и устанешь, вклясть и не захочется. – Я ему не поверил, но ничего не сказал. Мы сложили мои шмотки на велосипед и пошли через весь студгородок пешком, толкая велик по краю тротуара. Стояли прохладные ясные сумерки Тыща-одной Ночи, башня универа с часами чистой черной тенью высилась над

---

⁴⁸ Джон Мьюир (1838–1914) – американский натуралист, англичанин по рождению, пропагандировал создание национальных парков и заказников.

⁴⁹ Рынок «The Crystal Palace Shopping Emporium» площадью 71 тыс. кв. футов существовал с 1923 по 1959 г.

кипарисами, эвкалиптами и прочими деревьями, где-то звонили колокола, а воздух похрустывал. – Там будет холодно, – сказал Джафи, но в тот вечер ему было прекрасно, и он рассмеялся, когда я спросил его про следующий четверг с Принцессой. – Знаешь, мы еще дважды играли в ябьом с того вечера, она приходит ко мне в любую минуту любого дня или ночи и отказываться бесполезно. Поэтому я удовлетворяю Бодхисаттву. – И Джафи захотелось рассказать мне обо всем, о своем детстве в Орегоне. – Знаешь, у меня мать, отец и сестра жили настоящей первобытной жизнью на бревенчатой ферме, и зимой по утрам, когда холодно, мы все, бывало, раздевались и одевались перед очагом, по-другому нельзя было, поэтому я – не такой, как ты, по части раздевания, в смысле – я не смущаюсь ничего.

– А чем ты в колледже занимался?

– Летом все время был на государственной пожарной вахте – тебе, Смит, тоже надо будет попробовать следующим летом, – а зимой много ходил на лыжах и по студгородку потом, бывало, гордо шкандыбал на костылях. Я там взбирался на довольно высокие горы, включая один долгий подъем на Рейнир, почти до самой вершины, где можно расписаться. И был год, когда я наконец залез туда сам. Там ведь только несколько имен написано, и еще я облазил все Каскады – и в сезон, и в межсезонье, я работал там на лесоповале. Смит, я должен рассказать тебе про нашу романтику лесоповала на Северо-Западе, ты мне постоянно твердишь о железных дорогах: ты б видел узкоколейки наверху, и по утрам, когда морозец со снежком, а в животе у тебя блинчики с повидлом и черный кофе – вообще, парень, – и заносишь двойной топор над первым утренним бревном, лучше ничего и не бывает.

– Совсем как моя мечта о Великом Северо-Западе. Индейцы квакиутли, Северо-Западная конная полиция...

– А-а, ну так это в Канаде, в Британской Колумбии, я встречал таких на просеках⁵⁰. – Мы толкали велик дальше, мимо студенческих притончиков и кафешек, заглянули к Робби, нет ли там кого из знакомых. Там был Альва – он подрабатывал помощником официанта на полставки. В студгородке мы с Джафи в нашем тряпье выглядели довольно диковинно, а Джафи и вообще считался чудиком – обычное дело в колледжах и университетах, когда там появляются настоящие люди, потому что колледжи – сплошные рассадники серятины среднего класса, какая обычно находит совершенное выражение на окраинах студгородков, в рядах зажиточных домиков с лужайками и телевизорами в каждой гостиной, где все смотрят одно и то же и думают об одном и том же в одно и то же время, а Джафи этого мира рыщут в глухомани, чтобы услышать голос, в этой глухомани зовущий, дабы обрести исступление звезд, открыть темный таинственный секрет происхождения безликой, пресной, обожравшейся цивилизации. – У них, – говорил Джафи, – у всех до единого есть сортиры с белым кафелем, и они кладут в них большие грязные кучи, как медведи в горах, но это смывается в удобную канализацию, которая все время под надзором, и об их дерьме больше никто не думает, и никто не догадывается, что берет начало в говне, накипи и нечистотах моря. Они целыми днями моют руки сливочным мылом, которое втайне мечтают сожрать прямо в этой ванной. – У него был просто миллион идей, точно вам говорю.

Мы добрались до его хижины, когда уже стемнело, а в воздухе пахло дымом горящего дерева и листвы, всё аккуратно сложили и спустились по улице к Генри Морли, у которого была машина. Генри Морли носил очки и был человеком великой учености, но тоже чудик – еще более ярко выраженный и чрезмерный, чем Джафи; работал библиотекарем, друзей в колледже у него было немного, но он тоже любил ходить в горы. Его собственный однокомнатный коттедж, на тех же задворках Беркли, был набит книгами и картинками про альпинизм, весь завален рюкзаками, горными ботинками и лыжами. Я поразился, услышав, как он разговари-

---

⁵⁰ Северо-Западная конная полиция (1873–1920) – канадские полицейские силы в Северо-Западных территориях в период их заселения в XIX в., предшествовала Королевской канадской конной полиции.

вает: говорил он в точности как Рейнгольд Какоэтес, критик, и выяснилось, что они – друзья с давних пор, вместе ходили в горы, и ни за что не скажешь, кто на кого влиял – Морли на Какоэтеса или наоборот. По-моему, преимущественно влиял Морли – в нем было то же ехидство, саркастическая, чрезвычайно остроумная, хорошо выстроенная речь с тысячами образов, типа того, когда мы с Джафи зашли, у Морли как раз сидели друзья (странное, какое-то потустороннее сборище, в компанию входил китаец, настоящий немец из Германии и еще какие-то студенты), и Морли сказал:

– Я беру с собой надувной матрас, вы, ребята, можете спать на жесткой холодной земле, если хотите, а у меня будет пневматический агрегат, поскольку я все-таки съездил и истратил на него шестнадцать дубов в дебрях оклендских военно-морских складов, а потом весь день прикидывал, можно ли, присобачив роликовые коньки или присоски, технически называть себя средством передвижения, – или произносил еще какой-то мне непонятный (то есть всем вокруг) собственный прикол с тайным смыслом, к которому все равно никто не прислушивался, но он говорил и говорил, как бы сам себе, но мне он сразу же понравился. Мы только вздохнули, когда увидели, сколько барахла он брал с собой в горы: даже консервы, а помимо надувного резинового матраса еще и ледоруб, и целую кучу оборудования, которое нам все равно не понадобится.

– Ты, конечно, можешь прихватить топор, Морли, но вряд ли он нам пригодится, а консервы – это ж одна вода, тебе придется тащить ее на собственном горбу, неужели не понимаешь, что вся вода ждет нас наверху?

– Да я просто подумал, что баночка чоп-суи⁵¹ там будет в самый раз...

– У меня хватит еды на всех. Поехали.

Морли еще долго трепался, валандался по комнате, собирая свой неуклюжий выюк, и вот наконец мы попрощались с его друзьями, залезли в английский автомобильчик и около десяти вечера стартовали к Трейси и наверх к Бриджпорту, откуда нам предстояло проехать еще восемь миль к началу тропы у озера.

Я сидел сзади, а они разговаривали на переднем сиденье. Морли был вообще-то псих; заехал как-то раз за мной (уже потом) с квартой яичного ликера, рассчитывая, что я ее выпью, но я заставил его отвезти меня в винную лавку, а все дело было в том, чтоб мы с ним съездили к некой девчонке, причем я должен был выступить в роли примирителя: мы подкатили к ее дверям, она открыла, увидела, кто там, и снова захлопнула дверь, а мы поехали домой.

– Что за дела?

– Долго рассказывать, – туманно отвечал Морли, я так и не понял, чего ему было надо. Кроме того, увидев как-то, что у Альвы во флигеле нет кровати, Морли возник однажды, как призрак в дверном проеме, мы только-только глаза невинно продирали и варили себе кофе, и подарил нам огромную двуспальную панцирную сетку, с которой после его ухода мы долго сражались, пытаясь засунуть в сарай. То он притаскивал всякие доски, то какие-то невероятные книжные полки, то просто всякую ерунду, а много лет спустя у меня с ним снова были приключения а-ля Три Придурка⁵², когда я приехал к нему в Контра-Косту (его собственный дом, который он сдавал в аренду) и провел там несколько совершенно непредставимых дней, а он платил мне два доллара в час, чтоб я ведро за ведром таскал жидкую грязь, которую он вручную вычерпывал из затопленного погреба, весь черный от этой дряни, как Татарилуак, Повелитель

---

⁵¹ Чоп-суи – китайско-американское блюдо, изобретение китайских поваров, работавших на железных дорогах Западного побережья. В состав входит: нарезанные соломкой говядина, свинина или курица, молодые побеги бамбука и фасоли, водяные каштаны, другие китайские овощи, специи и соевый соус, подается с рисом. Возможно, было вдохновлено традиционным блюдом провинции Гуандун «tsap seui» (кит. «разные объедки»).

⁵² «Three Stooges» – американский комедийный коллектив первой половины XX в., в своем классическом составе включавший Мо Хауарда (Мозес Хэрри Хорвиц, 1897–1975), Шемпа Хауарда (Сэмюэл Хорвиц, 1895–1955), Кудрявого Хауарда (Джером Лестер Хорвиц, 1903–1953) и Ларри Файна (Эндрю Луис Файнберг, 1902–1975).

Грязных Жиж Паратиоалауакакского Пролета, и на губах его играла проказливая восторженная улыбка; а потом, возвращаясь через какой-то городишко и вдруг захотев мороженого, мы прошли по тамошней главной улице (распугав всех на трассе своими ведрами и скребками) с мороженым в руках, сталкиваясь с жителями на узеньких тротуарах, будто пара допотопных комиков немого кино, с известкой и прочим. По-любому, в общем, – крайне странная персона, как ни посмотри, и вот он вел сейчас машину к Трейси по четырехрядному шоссе с сильным движением, и рот у него не закрывался, на каждое слово Джафи у него находилась дюжина, и происходило это примерно так. Джафи говорил что-нибудь типа:

– Ей-богу, в последнее время чую в себе какое-то прилежание, на следующей неделе, наверно, возьмусь за орнитологию.

Морли же отвечал:

– Тут любой прилежным будет, коли у него нет девчонки с ривьерским загаром.

Изрекая что-нибудь, он всякий раз поворачивался и смотрел на Джафи, а все эти блестящие нелепости произносил на полном серьезе; я не врубался, что он за странный ученый такой, что за тайный лингвистический клоун под этим небом Калифорнии. Или же Джафи мимоходом вспоминал про спальные мешки, а Морли начинал нести какой-то бред:

– Я стану владельцем бледно-голубого французского спальника – легкого, на гагачьем пуху, классная вещь, они продаются в Ванкувере, – для Дейзи Мей⁵³ в самый раз. Совершенно не для Канады. Все спрашивают, не был ли у нее дедушка путешественником и не повстречал ли эскимоску. Я сам с Северного полюса.

– О чем это он? – спрашивал я с заднего сиденья, а Джафи отвечал:

– Он просто занимательный человеческий магнитофон.

Я сказал парням, что у меня легкий тромбофлебит – сгустки крови в венах на ногах, – поэтому я побаиваюсь завтрашнего подъема: не потому, что из-за него могу хромать, а потому что, когда спущусь, он может обостриться. Морли на это сказал:

– А тромбофлебит – это такой особый ритм, когда ссышь?

Или же я говорил что-нибудь про людей с Запада, а он отвечал:

– Я сам тупой западник... смотри, что предрассудки сделали с Англией.

– Ты чокнулся, Морли.

– Не знаю, может и так, но если даже я сумасшедший, все равно оставляю хорошенькое завещание. – Потом вдруг он ни с того ни с сего выдавал: – Что ж, я весьма польщен, что иду в горы с двумя поэтами, я и сам собираюсь написать книгу, она будет про Рагузу, прибрежный город-государство, республику позднего Средневековья, которая решила классовую проблему, предложила пост секретаря Макиавелли⁵⁴, и целое поколение ее язык служил дипломатическим языком в Леванте. Все из-за напругов с турками, конечно.

– Конечно, – соглашались мы.

А он вслух спрашивал себя:

– Можете гарантировать Рождество с приблизительной точностью лишь в восемнадцать миллионов секунд, оставшихся от первоначальной старой красной трубы?

– Еще бы, – смеялся Джафи.

– Еще бы, – повторял Морли, вертя баранку на сгущавшихся виражах, – они садятся в олени упряжки специальных междугородных автобусов, дабы поучаствовать в предварительной Конференции счастья по душам в глуши Сьерры, в десяти тысячах пятистах шестидесяти ярдах от первобытного мотеля. Это новее анализа и обманчиво просто. Если посеял билет в

---

⁵³ Дейзи Мей – героиня комикса Эла Кэппа «Малютка Эбнер» (Li'l Abner, 1934–1977), преследовавшая девятнадцатилетнего дылду Малютку Эбнера много лет и в конечном итоге женившая его на себе.

⁵⁴ Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский мыслитель, политический деятель, философ, писатель, автор военно-теоретических трудов. Под Рагузой имеется в виду Республика Рагуза – Дубровницкая республика, город-государство на побережье Адриатического моря, существовавшее с XIV в. до 1808 г.

оба конца, можешь стать гномом, одежонка у них миленькая, и ходит слух, что правила приема в «Справедливость»⁵⁵ впитают переизбыток, вытекающий из Легиона за непригодностью. Конечно, как бы там ни было, Смит, – (оборачиваясь ко мне на заднее сиденье), – и найдя собственный путь обратно в эмоциональную глушь, ты обязательно получишь подарочек от... кого-нибудь. А чуточка кленового сиропа не улучшит твоего самочувствия?

– Еще бы, Генри.

Таков был Морли. Машина тем временем где-то начала взбираться в предгорья, мы въезжали в разнообразные хмурые городки, останавливались заправиться, а там сплошь местные Элвисы Пресли⁵⁶ в синих джинсах поджидают кого-нибудь на дороге – побить, а у них за спинами внизу шум горных ручьев и высота гор. Чистая сладкая ночь – мы наконец выехали на настоящую узкую асфальтированную дорогу и устремились напрямик в горы. По сторонам появились высокие сосны и отдельные скалы. Воздух стал резок и превосходен. Наша поездка как раз совпала с открытием сезона, и в баре, где мы остановились выпить, уже сидела туча охотников в красных шапочках и шерстяных рубашках – нагружаясь, они смотрелись очень глупо со своими ружьями и патронами, сложенными в машинах, к тому же расспрашивали нас, не видали ль мы где-нибудь поблизости оленей. Мы, разумеется, видели оленя – перед самым баром. Морли вел машину и чесал языком:

– Ну, Райдер, может, ты станешь Альфредом, лордом Теннисоном⁵⁷ нашей маленькой теннисной компании на Побережье, тебя назовут «новой богемой» и станут сравнивать с рыцарями Круглого стола минус Амадис Великий⁵⁸ и необычайное великолепие маленького мавританского королевства, проданное Эфиопии за семнадцать тысяч верблюдов и шестнадцать сотен пеших солдат, когда Цезарь еще мамкину титьку сосал, – как вдруг на дороге оказался олень – застыв, смотрел в наши фары, а потом прыгнул в подлесок у обочины и исчез во внезапно громадном алмазном молчании леса (мы его услышали, когда Морли заглушил мотор), и донеслось лишь сбивчивое шарканье его копыт, пока он убегал наверх, в туманы, к убежищу индейца, питающегося одной сырой рыбой. Сейчас мы оказались среди подлинной природы – Морли сказал, уже на высоте около трех тысяч футов. Не видя, под собою мы слышали ручьи, холодно шумевшие по холодным камням под светом звезд.

– Эй, олешка, – завопил я вслед животному, – не бойся, мы в тебя стрелять не станем. – А теперь в баре, где мы остановились по моему настоянию («В этой как бы холодной северной горной стране нет ничего лучше для человеческой души в полночь, нежели хороший теплый стакан согревающего красного портвейна, тяжелого, словно сиропы сэра Артура...»):

– Ладно, Смит, – сказал Джафи, – но мне кажется, нам не следует пить перед походом.

– Ай, да какая разница?

– Как скажешь, но глянь: мы столько сэкономили на дешевой сушеной еде, а ты собираешься сразу все пропить.

– Так уж мне на роду написано, богатство или бедность, в основном же – бедность, истинная нищета. – Мы зашли в бар, оказавшийся некой таверной, отделанной в духе горной глупинки, типа швейцарского шале с лосиными головами и оленями, нарисованными на перегородках кабинок, а сами люди у стойки – живая реклама охотничьего сезона, хоть все уже сильно наклюкались, эдакая колышущаяся масса теней в тусклом баре, когда мы вошли, заняли три табурета и заказали портвейна. Портвейн – довольно странный заказ посреди охотничьей страны виски, но бармен откопал случайную бутылку «Христианских братьев» и налил нам два

⁵⁵ «Equity» (с 1913 г.) – американский профсоюз театральных актеров и работников сцены.

⁵⁶ Элвис Эйрон Пресли (1935–1977) – американский певец и актер, культурная икона XX в.

⁵⁷ Альфред Теннисон, 1-й барон Теннисон (1809–1892) – британский поэт.

⁵⁸ Имеется в виду Амадис Гальский (*исп.* Amadís de Gaula – «Амадис из Уэльса») – главный герой средневекового (XIII–XIV в.) рыцарского романа испанского писателя Гарси Родригеса де Монтальво (1450 – ок. 1505).

широких винных стакана (Морли вообще-то оказался трезвенником), и мы с Джафи выпили и хорошенько это дело прочувствовали.

– Ах, – сказал он, разогреваясь от вина и полуночи, – я скоро снова поеду на Север пови-
дать мои родные мокрые леса детства, облачные горы, старых обозленных друзей-интеллекту-
алов и старых пьяных друзей-лесорубов, ей-богу, Рей, не начнешь жить, пока там не побыва-
ешь – со мной или без меня. А потом уеду в Японию и пешком обойду всю эту холмистую
страну, буду отыскивать древние храмики, спрятанные и позабытые в горах, и старых мудре-
цов, которым по сто девять лет и они молятся Каннон в своих хижинах и так много медити-
руют, что когда выходят из медитации, смеются, видя все, что движется. Но это не значит, что
я не люблю Америку, ей-богу, хоть и ненавижу этих проклятых охотников, – им одно подавай,
нацелить пушку на беззащитное разумное существо и убить, за каждое разумное или живое
существо, которое эти хуилы убьют, они переродятся тысячу раз, чтобы страдать от ужасов
сансары, так им и надо.

– Слышь, Морли? Что скажешь, Генри, а?

– Мой буддизм – всего лишь легкий несчастный интерес к некоторым картинкам, кото-
рые они рисовали, хотя могу сказать, иногда Какэзэс извлекает чокнутую ноту буддизма в
своих горных стихах, однако меня не очень интересует та его часть, что касается верований. –
Фактически же ему все это было до фонаря. – Я нейтрален, – сказал он, заливаясь счастливым
смехом с каким-то легким злорадством, и Джафи завопил:

– Нейтральность – вот это и есть буддизм!

– После этого портвейна дашь зарок не пить кефира. Знаешь, я *a fortiori*⁵⁹ разочарован,
ибо не существует ни вина бенедиктинцев, ни вина траппистов, а есть лишь одни святые воды
и спирты «Христианских братьев». Не то чтоб я был слишком несдержан по части пребывания
в этом любопытном баре, но выглядит точь-в-точь пятачком для Чарди и Писателей Буханки⁶⁰,
все они сплошь армяне-бакалейщики, неуклюжие протестанты-доброжелатели, устроили груп-
повую экскурсию в запой, и хотели бы, да не понимают, как вставлять контрацептив. Что за
ослы эти люди, – добавил он с неожиданной прямой откровенностью. – Молоко здесь, должно
быть, прекрасное, но коров больше, чем людей. Здесь наверняка проживает совершенно дру-
гая порода англов, меня не шибко греет их внешний вид. Лихачи тут, должно быть, делают аж
тридцать четыре мили в час. Ну, Джафи, – в заключение сказал он, – если когда-нибудь устро-
ишься на официальную работу, я надеюсь, у тебя будет костюмчик от «Братьев Брукс»⁶¹...
надеюсь, ты не кончишь на тусовочных банкетах, где... Эгей! – Это зашли какие-то девчонки. –
Молодые охотницы... вот, наверно, почему ясельки открыты круглый год.

Но охотникам не понравилось, что мы вот так сидим, сбившись в кучку, и дружелюбно
разговариваем тихими голосами на всевозможные личные темы, они влезли к нам, и довольно
быстро вокруг всей овальной стойки пошли долгие смешные разглагольствования насчет оле-
ней в округе, где лучше лезть в горы, что там делать, а услышав, что мы приехали сюда вовсе
не убивать животных, а просто забраться в горы, они решили, что мы безнадёжные чудаки, и
оставили нас в покое. Мы с Джафи выпили по два стакана вина, почувствовали себя прекрасно
и вместе с Морли вернулись к машине – и поехали дальше, все выше и выше, деревья станови-
лись все больше, воздух – все холоднее, всё вверх, пока наконец не стало почти два часа ночи
и спутники мои не сказали, что до Бриджпорта еще далеко, до начала тропы – тоже, поэтому
лучше остановиться и переночевать в спальниках прямо в этих лесах.

⁵⁹ Тем более (*лат.*).

⁶⁰ Джон Энтони Чарди (1916–1986) – американский поэт, переводчик и этимолог, много лет руководил «Писательской
конференцией “Буханка”» – ежегодными творческими семинарами, с 1926 г. проходящими летом в таверне «Буханка» близ
одноименной горы в штате Вермонт.

⁶¹ «Brooks Brothers» (с 1818 г.) – одна из старейших марок мужской одежды в США.

– Встанем на заре и поедem дальше. Пока же у нас есть добрый черный хлеб – и сыр тоже есть, – сказал Джафи, доставая продукты, которые запихал в мешок в последнюю минуту еще в хижине. – Завтрак у нас будет замечательный, побережем булгур и остальные припасы для завтрашнего завтрака на высоте десять тысяч футов. – Прекрасно. По-прежнему болтая и так далее, Морли заехал по жестким сосновым иглам немного вглубь, под неохватный покров деревьев природного парка – елей и желтых сосен, некоторые до ста футов в высоту, – в огромную, тихую, залитую звездным светом рощу с инеем на земле и мертвым молчанием, если не считать случайного потрескивания в зарослях, где, быть может, окаменев при нашем приближении, стоял дикий кролик. Я вытащил спальник, расстелил его, снял тапки и, когда совсем уже засовывал в мешок ноги в носках, счастливо вздыхая, радостно озирая высокие деревья и размышляя: «Ах, что это будет за ночь настоящего сладкого сна, что за медитации у меня будут посреди этого напряженного молчания Нигде», – Джафи завопил мне из машины:

– Слушай, похоже, мистер Морли забыл свой спальник!

– Какого... ну и что?

Они немножко это пообсуждали, шаря фонариками по морозцу, затем Джафи подошел ко мне и сказал:

– Тебе придется вылезать, Смит, у нас теперь только два спальника, их надо расстегнуть, расстелить, чтобы получилось одеяло на троих, черт бы его подрал, ну и холодина же будет.

– Чего? Ведь так будет задувать под задницу!

– Ну а Генри не сможет спать в машине, он околеет, там нет печки.

– Но черт возьми, я так хотел покайфовать... – хныкал я, выбираясь наружу, натягивая тапки, и Джафи довольно скоро уложил спальники на пончо и сам завалился спать, а я вытянул себе место посередине, и уже подмораживало, а звезды превратились в насмешливые сосульки. Я забрался, лег, а Морли – мне было слышно, как этот маньяк надувает свой дурацкий матрас, чтобы улечься со мною рядом, но как только он это сделал, тут же заворочался, заколыхался и завздыхал, и на другой бок, и снова лицом ко мне, и опять на другой бок, и все это под ледяными звездами и всей этой благодатью, а Джафи тем временем храпел, Джафи, который вовсе не подвергался такому безумному ерзанью. Наконец выяснилось, что Морли вообще не может уснуть: он встал и ушел в машину, вероятно поговорить сам с собой, как он, псих, привык, и я лишь успел смежить веки, как через несколько минут он, очоленев, вернулся, залез под спальник, но снова начал ворочаться и даже иногда ругался или вздыхал, и это все продолжалось, кажется, целую вечность, и вот уже я узрел, как Аврора выбеливает восточные кромки Амиды⁶², и довольно скоро нам все равно вставать. Вот Морли псих! Тогда и начались злоключения этого замечательного (как вскоре станет ясно) человека – вероятно, единственного туриста в истории человечества, который отправился в горы и забыл спальник дома. «Боже! – думал я. – Ну почему он не забыл свой жуткий надувной матрас?»

---

⁶² Амида-нёрай (яп.; санскр. Амитабха, «безграничный свет») – самая почитаемая фигура в буддийской школе Чистой земли. Считается, что он обладает множеством достойных качеств: поясняет универсальный закон бытия в Западном раю и принимает под свое покровительство всех, искренне взывавших к нему, вне зависимости от их происхождения, положения или добродетелей.

7

С самого первого мгновения, когда мы встретились с Морли, он не переставал испускать внезапные йодли соответственно духу нашего предприятия. То просто был протяжный крик «йоделахи-и!» – но раздавался он в самые неподходящие моменты и в самых неподходящих обстоятельствах, например несколько раз поблизости еще находились его китайские и немецкие друзья, потом – уже в машине, нам в самое ухо, такое громогласное «йоделахи-и!» – потом когда мы выходили из машины к бару:

– Йоделахи-и! – Теперь же, когда Джафи проснулся, увидел, что уже светает, выскочил из-под спальников, побежал собирать хворост и вот уже задрожал над предварительным костерком, Морли тоже пробудился от своего короткого нервного предрассветного сна, зевнул и завопил «йоделахи-и!», разнесшееся эхом по дальним долам. Встал и я; нам только и осталось держаться вместе, скакать и махать руками, как мы с моим грустным бродяжкой в люльке на Южном побережье. Но Джафи вскоре подтащил к костру больше валежника, и пламя с ревом запылало, и мы через некоторое время уже грели спины, болтали и орали. Прекрасное утро: красные столбы нетронутого солнечного света пробивались из-за склона и косо падали меж холодных деревьев, будто в соборе, навстречу солнцу поднималась дымка, а повсюду вокруг – таинственный шум клокочущих ручьев, быть может, уже затянутых корочкой льда в заводях. Замечательная здесь рыбалка. Довольно скоро я уже сам вопил «йоделахи-и!» – но когда Джафи ушел за дровами и пропал на некоторое время из виду, а Морли завопил свое «йоделахи-и!», тот ответил простым «хоо!» и сказал потом, что так в горах кричат индейцы, что гораздо приятнее. Поэтому я тоже начал орать «хоо!».

Потом мы залезли в машину и двинули дальше. Поели хлеба с сыром. Никакой разницы между Морли сегодняшнего утра и Морли вчерашнего вечера не наблюдалось, если не считать голоса, когда он трещал и балаболил со своим обычным смешным культурным ехидством, что было довольно мило в этой утренней свежести, – так всегда звучат голоса людей, поднявшихся спозаранку, слегка тоскливо и надтреснуто, в них слышится устремление и готовность к новому дню. Солнце скоро потеплело. Черный хлеб был отличный, его пекла жена Шона Монагана – того Шона, у которого избушка в Кортэ-Мадера, куда мы все однажды можем приехать и поселиться, не платя ничего и никому. Сыр оказался острым чеддером. Но это меня не сильно насытило, и, когда мы выехали на природу окончательно и больше не осталось вокруг ни домов, ничего, мне страшно захотелось старого доброго горячего завтрака – как вдруг, переехав ручей по маленькому мостику, мы увидели веселый охотничий домик у дороги под громадными можжевельновыми деревьями, из трубы бурлил дымок, снаружи горели неоновые надписи, а табличка в окне извещала об оладьях и горячем кофе.

– Давайте зайдем, ей-богу, нам нужен настоящий мужской завтрак, если мы собираемся весь день лезть в гору.

Против моего предложения никто не возражал, мы вошли, уселись в кабинке, и милая женщина приняла наш заказ с говорливой приветливостью, свойственной людям в глубинке.

– А вы, мальчики, что, охотиться идете?

– Нет, мэм, – ответил Джафи, – мы просто идем на Маттергорн.

– На Маттергорн? Да я б туда не пошла и за тыщу долларов!

Тем временем я сходил к бревенчатому сортиру на задах и умылся водой из-под крана – восхитительно холодной, от которой защипало все лицо, а когда я отпил, желудок мой славно наполнился будто б жидким льдом, и я попил еще. В червонных лучах солнца, косо пробивавшихся сквозь стофутовые ветви елей и желтых сосен, брехали потрепанные собачки. Вдали поблескивали снежные шапки гор. Среди них был Маттергорн. Я зашел внутрь, оладьи уже подоспели – горячие, исходящие паром, – и я полил сиропом три кусочка масла, разрезал ола-

дья и начал есть, прихлебывая горячий кофе. Генри и Джафи занимались тем же – в кои-то веки без разговоров. Запили мы это все несравненной холодной водой, и тут пришли охотники в своих сапожищах и шерстяных рубашках – но не те ветреные и пьяненькие, а серьезные, готовые забуриться в леса после завтрака. Тут же находился бар, но в это утро на алкоголь всем было наплевать.

Мы влезли в машину, форсировали еще один ручей, потом луг с несколькими коровами и бревенчатыми хижинами и выехали на равнину, с которой было ясно видно, как к югу возносится самый ужасный из всех зазубренных пиков, самый высоченный – Маттергорн.

– Вот она, – гордо вымолвил Морли. – Прекрасная гора – правда, похоже на Альпы? У меня есть коллекция снимков заснеженных вершин, вам надо будет как-нибудь посмотреть.

– Мне-то больше настоящие нравятся, – отозвался Джафи, серьезно глядя на горы, и в этом его отдаленном взгляде, в этом тайном внутреннем вздохе я увидел: он снова дома. Бриджпорт – сонный городок на этой равнине, странно новоанглийский. Два ресторана, две автозаправки, школа – все это по обочинам шоссе 395, прибегающего в эти края из Бишопы на пути в Карсон-Сити, Невада.

8

Теперь у нас возникла еще одна невероятная задержка, поскольку мистер Морли решил найти в Бриджпорте открытый магазин и купить там себе спальный мешок или хотя бы какое-нибудь полотняное или брезентовое покрытие, чтобы спать на высоте девять тысяч футов: судя по ночи, проведенной на четырех тысячах, там будет довольно прохладно. Мы с Джафи ждали его, сидя на уже припекавшем десятичасовом солнышке, на травке школьного двора, наблюдая за случайным и лаконичным движением по совершенно неживленному шоссе и обсуждая шансы молодого индейца-автостопщика, пытавшегося уехать на Север. Мы с теплотой говорили о нем.

– Вот что мне нравится: ездить везде стопом, ты абсолютно свободен, хотя вообрази только, что при этом ты индеец. Черт возьми, Смит, пошли поговорим с ним и пожелаем ни пуха ни пера. – Индеец оказался не очень разговорчив, но дружелюбен, и сказал нам, что по 395-му он продвигается довольно медленно. Мы пожелали ему удачи. А меж тем в этом крохотном городке Морли вообще куда-то пропал.

– Что он там делает – поднимает всех лавочников с постели?

Наконец Морли вернулся и сказал, что ничего нет и остается одно – занять пару одеял в охотничьем домике у озера. Мы сели в машину, проехали несколько сот ярдов назад по шоссе и свернули на юг, к блестящим нетронутым снегам в синей вышине. Проехали вдоль берега живописных Озер-Близнецов и подкатили к домику, который оказался большим белым каркасным постоянным двором. Морли зашел и уплатил пять долларов за два одеяла на ночь. В дверях стояла женщина, уперев руки в бока; гавкали собаки. Дорога была пыльной – грунтовка, а озеро – небесной чистоты. В нем идеально отражались утесы и предгорья. Но впереди шли ремонтные работы и клубилась желтая пыль: как раз там придется пройти немного по берегу, а уж потом переходить ручей в конце озера и углубляться в заросли, из которых вверх идет тропа.

Мы поставили машину, вытащили все наши пожитки и распределили их на солнышке. Джафи уложил мой рюкзак и сказал, что я все это понесу, а иначе могу сразу пойти и утопиться в озере. Он был очень серьезен, чувствовал себя главным, и мне это нравилось больше всего. Потом с той же мальчишеской суровостью вышел на дорогу с ледорубом и начертил в пыли большой круг, после чего начал в нем что-то рисовать.

– Что это?

– Я делаю волшебную мандалу, которая не только поможет нам при восхождении, но после того, как я тут еще кое-что нарисую и спою, по ней можно будет предсказывать будущее.

– А что такое мандала?

– Это такие буддийские схемы, всегда в виде круга, наполненного всякими штуками: круг представляет пустоту, а штуки – иллюзию, видишь? Иногда мандалы рисуют у Бодхисаттвы над головой, и по ним можно рассказать его историю. По происхождению они тибетские⁶³.

Я уже влез в его теннисные тапки, а теперь извлек и горную шапочку, которую он мне предоставил, – черный французский беретик, я лихо заломил его на голове, вскинул на спину рюкзак и стал совершенно готов к походу. В тапках и беретике я больше смахивал на божьего художника, чем на человека, идущего в горы. На Джафи были его прекрасные сапожищи и швейцарская зеленая шляпа с пером, он походил на эльфа – но на такого грубоватого эльфа. Так и вижу его одного в горах в этом наряде – видение: прозрачное утро в высоких сухих

---

⁶³ Мандала (санскр. «круг», «диск») – замкнутая геометрическая система с равноудаленными от центральной точки элементами, сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных и эзотерических практиках.

Сьеррах, вдалеке чистые ели отбрасывают тени на каменные осыпи склонов, еще дальше – заснеженные конусы вершин, ближе – большие лохматые силуэты сосен, и вот он сам – Джафи, в шляпе, с большущим рюкзаком за спиной, топает себе, но в левой руке у него цветок, ею же он придерживает на груди лямку рюкзака; между громоздящимися камнями и валунами растет трава; дальше каменные осыпи шрамами бороздят склоны утра, глаза Джафи сияют радостью, он – в пути, его герои – Джон Мьюир и Ханьшань, Шидэ и Ли Бо, Джон Бёрроуз, Пол Баньян и Кропоткин⁶⁴; он – маленький, и, когда шагает, из-под рубашки у него проглядывает смешной живот, но не потому, что слишком толстый, а потому, что позвоночник немного выгибается, однако это возмещается его бодрыми широкими шагами, шагами очень высокого человека (как я обнаружил, идя за ним следом вверх по тропе), его грудь широка, а плечи могучи.

– Дьявол мя задери, Джафи, сегодня утром мне великолепно, – сказал я, когда мы заперли машину и втроем зашагали с рюкзаками по береговой дороге, чуть покачиваясь, занимая всю ее ширину, будто пехотинцы на марше. – Ну не чертовски ли это лучше, чем торчать в «Месте»⁶⁵? Напиваться таким свежим субботним утром, все муторно и тошнит, – а вот они мы какие, шагаем мимо свежего чистого озера, хороший воздух, да господи, это уже хайку само по себе.

– Сравнения одиозны, Смит, – приплыл ко мне его ответ, цитата из Сервантеса⁶⁶ и дзен-буддийское наблюдение в придачу. – Совершенно никакой разницы – сидишь ты в «Месте» или карабкаешься на Маттергорн, все одна и та же пустота, парень. – И я стал об этом размышлять, и понял, что он прав: сравнения одиозны, все одно и то же, но мне было сейчас по-настоящему кайфово, и еще я вдруг понял вот что: это (невзирая на разбухшие вены на ногах) принесет мне много пользы, отвлечет от пьянства и, может, заставит проникнуться совершенно новым образом жизни.

– Джафи, я рад, что тебя встретил. Я научусь укладывать рюкзаки, и всему, что надо, тоже научусь, и как прятаться в этих горах, когда устанешь от цивилизации. На самом деле я очень благодарен, что встретился с тобой.

– Что ж, Смит, я тоже благодарен, что встретился с тобой и научился, как писать спонтанно, и все такое.

– А-а, да это пустяки.

– Для меня это много. Давайте, парни, прибавим шагу, не стоит зря тратить время.

Вскоре мы дошли до клубившейся желтой пыли, где рычали бульдозеры, а здоровые, жирные и потные водители даже не глядели на нас, а материли свою работу и проклинали все на свете. В гору они бы полезли только за двойную плату, а если учесть, что сегодня суббота, – за четверную.

Мы с Джафи посмеялись, об этом подумав. Я был немножко не в своей тарелке в этом глупом беретике, но бульдозеристы и глазом не повели в нашу сторону, и мы скоро оставили их позади и подошли к последнему охотничьему домику у начала тропы. То была такая изба, она стояла на самом дальнем берегу озера в треугольном распадке между довольно высокими отрогами. Здесь мы остановились передохнуть на ступеньках: покрыли мы около четы-

---

⁶⁴ Джон Бёрроуз (1837–1921) – американский натуралист и писатель, чьи образные эссе завоевали ему широкую популярность кроткого мудреца дикой природы. Пол Баньян – персонаж американского фольклора, гигантский лесоруб, совершающий сверхчеловеческие подвиги. Впервые статья о Баньяне была опубликована в детройтской газете в 1910 г. Большую лепту в развитие мифа о Баньяне внес У. Б. Логхед, взявший его рекламным символом миннесотской лесодобывающей компании и придумавший как имя гигантского синего быка Баньяна (Крошка), так и имена многих персонажей его легендарного лесоповала. Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) – русский революционер-анархист, географ и геоморфолог.

⁶⁵ «The Place» (1953–1959) – бар битников на Грант-ст., управлявшийся Кнудом Стайлзом и Лео Крекоряном.

⁶⁶ «Дон Кихот», т. II, гл. XXIII. «Известно, что всякое сравнение всегда неприятно, следственно незачем кого бы то ни было с кем-либо сравнивать» (пер. Н. Любимова). На самом деле фраза восходит к английскому монаху и поэту Джону Лидгейту (ок. 1370 г. – ок. 1451 г.) – «Спор лошади, гуся и овцы» (ок. 1440 г.) – и встречается у Джона Фортезкью, Кристофера Марлоу и Джона Донна, а также пародируется Шекспиром в комедии «Много шума из ничего» (акт 3, сц. 5), что, впрочем, не отражено в русских переводах.

рех миль, но по ровной хорошей дороге, – зашли внутрь и купили конфет, печенья, колы и еще чего-то. Тут вдруг Морли, который всю дорогу отнюдь не молчал и смотрелся очень забавно в своем наряде, с необъятным выюком за плечами, с надувным матрасом (из которого выпустили воздух), без шляпы – в общем, как он обычно ходит к себе в библиотеку, но в огромных мешковатых шароварах, – этот Морли вдруг вспомнил, что забыл слить масло из картера.

– Ах, так он забыл слить масло из картера, – сказал я, заметив их оцепенение и ни фига не смысла в машинах, – а он не забыл залить мозги в кратер?

– Нет, это значит, что, если сегодня ночью подморозит, его чертов радиатор взорвется, и мы не сможем уехать домой, и придется двенадцать миль переть до Бриджпорта, и мы тут конкретно засядем.

– Ну а может, ночью не будет так холодно?

– Рисковать нельзя, – ответил Морли, и к тому времени я уже его просто ненавидел: у него находится столько способов все забывать, портить, беспокоить, откладывать и превращать наш относительно простой поход в бесконечные петли и круги.

– Ну и что ты собираешься делать? Что нам всем делать – тащиться четыре мили обратно?

– Только одно: я возвращаюсь сам, сливаю масло и иду обратно за вами по тропе, а вечером догоняю вас в лагере.

– Я разожгу большой костер, – сказал Джафи, – ты его увидишь, покричишь, и мы тебя направим.

– Запросто.

– Но тебе придется побегать, чтобы к вечеру добраться до лагеря.

– Уже иду.

Но тут мне стало так жалко старого, несчастного, смешного Генри, что я сказал:

– Да ну его к черту, этот картер, если ты с нами не пойдешь, пошли вместе все равно.

– Слишком дорого встанет, если эта штука сегодня ночью замерзнет, Смит, поэтому лучше вернуться. У меня будет множество приятных мыслей – знакомиться с тем, о чем вы вдвоем, вероятно, станете беседовать весь день, ах, ч-черт, уже пора двигаться. Ни за что не жужжите на пчел, не обижайте дворняжек, а если партия в теннис начнется и все снимут рубашки, не стройте глазки прожектору, или солнышко пнет попку девчонки обратно к вам, вместе с кошками, ящиками фруктов и апельсинов и со всем остальным, – заявил нечто подобное и без дальнейших церемоний зашагал обратно по дороге, лишь слегка махнув нам рукой, бормоча себе под нос, так что нам пришлось завопить ему вслед:

– Пока, Генри, давай быстрее. – А он не ответил, только пожал плечами на ходу.

– Знаешь, – сказал я, – думаю, ему без разницы. Он доволен и оттого, что бродит и все забывает.

– И похлопывает себя по животу, и видит все таким, какое оно есть, типа как в «Чжуан-цзы»⁶⁷.

И мы с Джафи хорошенько посмеялись, глядя вслед покинутому Генри, ковылявшему по дороге, которую мы только что одолели, одинокому и безумному.

– Ну, пошли, – сказал Джафи. – Когда я устану тащить этот здоровый рюкзак, поменяемся.

– Хоть сейчас. Давай сейчас, мне надо что-нибудь тяжеленькое понести. Ты себе не представляешь, как мне четко, чувак, давай же! – И вот мы махнулись рюкзаками и стартанули.

Обоим нам было прекрасно, и мы без конца болтали – о чем угодно, о литературе, о горах, о девчонках, о Принцессе, о поэтах, о Японии, о наших прошлых приключениях в жизни, и я вдруг понял, что нет худа без добра – если б Морли не забыл слить масло из картера, Джафи

---

⁶⁷ «Чжуан-цзы» – даосская книга притч, написанная в конце периода Сражающихся царств (III в. до н. э.) и названная по имени автора – учителя Чжуан, китайского философа предположительно IV в. до н. э., входящего в число ученых Ста Школ.

и слова бы не удалось вставить весь этот благословенный день, а так у меня прекрасная возможность послушать его мысли. Тем, как он все делал, ходил в походы, Джафи напоминал мне моего друга детства Майка, который тоже любил идти впереди, суровый, как Бак Джонс, глаза устремлены к дальним горизонтам, как Натти Бампо⁶⁸, предупреждая меня о ломающихся ветках или говоря: «Здесь слишком глубоко, давай спустимся ниже и перейдем ручей вон там», – или: «В этой низинке будет грязь, лучше обойти», – смертельно серьезный и довольный. По тому, как Джафи двигался впереди, я видел все его детство в восточных лесах Орегона. Шел он, как говорил, сзади я видел, что он слегка косолапит – совсем как я; но когда подошло время лезть вверх по склону, он развел носки, как Чаплин⁶⁹, чтобы крепче ступать. Мы пересекли что-то вроде заболоченной речной долинки по густым зарослям, мимо нескольких ив, выбрались на другой стороне, слегка подмочив ноги, и начали подъем по тропе, ясно размеченной и недавно подправленной лесниками, но иногда натывались на осыпи, где прямо на тропу рушились сверху камни, и Джафи всякий раз не ленился убирать их, говоря при этом:

– Я сам чистил тропы, терпеть не могу, когда тропа такая ретивая, Смит.

Мы забирались все выше, и за нами внизу уже завиднелось озеро, как вдруг в его чистом голубом бассейне мы увидели глубокие дыры – там били источники, будто черные колодцы, и видно было, как мечутся стайки рыбешек.

– О, это как раннее утро в Китае, и мне всего пять лет в безначальном времени! – громко пел я, и мне хотелось сесть возле тропы, достать блокнотик и писать об этом заметки.

– Посмотри вон туда, – пел Джафи, – желтые осины. Сейчас, вот только настроюсь на хайку... «Беседуем о литературной жизни – вдруг желтые осины». – В этой земле можно было легко постичь совершенство жемчужин хайку, написанных восточными поэтами, кто в горах никогда не напивался, ничего, только шли себе дальше, свежие, как дети, записывали все, что видели, без всяких литературных ухищрений, без причудливости выражения. Взбираясь, мы сочиняли хайку, а тропа вилась все выше по заросшему склону.

– Камни у края утеса, – говорил я, – почему не катятся вниз?

– Может, это и хайку, а может, и нет, слишком сложное, наверное, – сказал Джафи. – Настоящее хайку должно быть простым, как овсянка, и в то же время после него видишь подлинное, как самое великое хайку – возможно, величайшее из всех, вот это: «Ласточка прыгает по веранде с мокрыми лапками». Это Сики⁷⁰. Смотри, мокрые отпечатки лапок – как виденье в уме, и все же в нескольких этих словах видишь этот дождь, льющий день-деньской, и чуть ли влажной хвоей не пахнет.

– Давай еще.

– Я сейчас свое придумаю, погоди... «Озеро внизу... черные дыры, проделанные колодцами» – нет, черт подери, это не хайку, хайку никогда много не бывает.

– А если сочинять их по-настоящему быстро, вот как идешь, спонтанно?

– Смотри! – возбужденно закричал он. – Горный люпин, смотри, какие нежно-голубые цветочки. А вон калифорнийские красные маки. Весь луг просто усыпан цветом! Наверху, кстати, – настоящие калифорнийские белые сосны, их ты почти нигде больше не увидишь.

– Как много ты знаешь про птиц, деревья и все остальное...

– Я изучал их всю жизнь. – Потом, тоже еще на пути вверх, мы немного расслабились, разговор стал смешнее и глупее, и скоро мы дошли до поворота тропы, где была тенистая прогалина и мощный пороженный поток бился и бурлил на покрытых пеной камнях, скатываясь

⁶⁸ Бак Джоунз (Чарлз Фредерик Гебхарт, 1891–1942) – американский актер, снимавшийся преимущественно в вестернах. Натаниэль (Натти) Бампо – персонаж серии из пяти романов американского Джеймса Фенимора Купера (1789–1851) о Следопыте, известных как «Эпопея о Кожаном Чулке» (1823–1841).

⁶⁹ Сэр Чарлз Спенсер Чаплин (1889–1977) – британский комический актер, режиссер и композитор.

⁷⁰ Масаока Сики (Нобору Цунэнори, 1867–1902) – японский поэт, писатель, литературный критик и теоретик поэзии эпохи Мэйдзи.

вниз, а через него был перекинут идеальный мостик – упавшая коряга; мы забрались на нее, улеглись животами вниз и долго пили воду, плескавшую прямо в лица: будто подставляешь голову под струю с плотины. Я лежал там целую долгую минуту, наслаждаясь внезапной прохладой.

- Это как реклама эля «Рейнир»! – завопил Джафи.
- Давай посидим чуть-чуть и покайфуем.
- Парень, ты не представляешь, сколько нам еще топать!
- А я даже не устал!
- Еще устанешь, Тигр.

9

Мы шли дальше, и мне до невероятия нравилось, какой у этой тропы бессмертный вид, когда уже перевалило за полдень, и как поросший травой склон холма словно весь окутан древней золотой пылью, жучки кувыркаются над камнями, ветерок вздыхает в мерцающих танцах над нагретыми валунами, а тропа вдруг заводит в прохладную тень от больших деревьев над головой, и свет здесь глубже. И нравилось, что озеро под нами вскоре стало совсем игрушечным, а черные дыры в нем – по-прежнему ясно различимы, и на него падают гигантские тени облаков, и петляет трагическая дорога, по которой сейчас возвращается бедолага Морли.

– Ты разглядишь бедного Морли внизу?

Джафи долго всматривался.

– Я вижу облачко пыли: может, это он уже идет обратно. – Мне же казалось, что я вижу древний полдень этой тропы – от камней на лужайках и букетиков люпина до неожиданных возвратов к ревущему потоку с его мостиками из мокрых коряг и подводной зелены; в моем сердце возникло что-то невыразимо надломленное, будто я жил и прежде, и ходил по этой тропе точно так же с соратником-Бодхисаттвой, – но, быть может, то паломничество было гораздо важнее, и мне сейчас очень хотелось лечь у тропы и все хорошенько вспомнить. Вот что с тобою делают леса – они всегда знакомые, издавна утраченные, словно лицо давно покойного родственника, словно старый сон, обрывок забытой песни, донесшийся по-над водою, а больше всего – словно золотые вечности прошедшего детства или прошедшей зрелости, и вся жизнь, вся смерть, вся боль сердечная, случившиеся миллион лет назад, и облака, проплывающие над головой, кажется, подкрепляют (своею собственной одинокой знакомостью) это чувство. Исступленный восторг даже – вот что я ощущал, вместе со вспышками внезапного воспоминания; вспотев и утомившись, я хотел уснуть и видеть сны в траве. Забираясь выше, мы сильнее уставали и теперь, совсем как пара настоящих альпинистов, больше уже не разговаривали, нам не нужно было разговаривать, и мы этому радовались, как, по сути, заметил Джафи, обернувшись ко мне после получасового молчания: – Как раз вот так мне нравится, когда идешь – просто нет нужды разговаривать, будто мы животные и общаемся безмолвной телепатией. – Так, забившись в собственные мысли, мы топали дальше, Джафи переставлял ноги, отключив зад, как я уже говорил, а я подобрал свой темп – короткие шажки, медленно, терпеливо, все выше в гору со скоростью миля в час, так что я постоянно оставался в тридцати ярдах позади него, и теперь, когда у нас рождались какие-нибудь хайку, приходилось кричать их друг другу туда и обратно. Довольно скоро мы выбрались на верхушку того участка, который уже и тропой-то не был, ни с чем не сравнимый сонный лужок, где был прекрасный пруд, а за ним – одни валуны и ничего кроме.

– Теперь у нас единственные ориентиры – утки.

– Что за утки?

– Видишь вон валуны?

– «Видишь вон валуны»! Господи ты боже мой, да я вижу пять миль одних валунов, насыпанных до самой вон той горы!

– Видишь кучку камней возле вон того ближнего валуна под сосной? Это и есть утка, ее поставили другие туристы – а может, и я сам, еще в пятьдесят четвертом, не помню точно. Отсюда пойдем прыгать с камня на камень, и надо будет хорошенько следить за утками и определять, верно ли скачем. Хотя мы, конечно, знаем, куда идти – вон до того большого утеса, а там уже и наше плато.

– Плато? Боже, ты что – хочешь сказать, что это еще не вершина?

– Конечно нет: за утесом будет плато, потом осыпь, потом опять камни, потом мы выйдем к последнему высокогорному озеру, не больше вот этой лужицы, а за ним последний подъем,

больше тысячи футов отвесно вверх, парень, на самую вершину мира, откуда видать всю Калифорнию и частично Неваду, и ветер там тебе штаны насквозь продует.

– О-ой... А сколько времени это займет?

– Ну-у, сегодня к вечеру можем рассчитывать дойти только до плато, а там встанем лагерем. Это я только называю его плато, на самом деле там просто полка такая между двумя высотами.

Но эта вершинка и конец тропы были так прекрасны, что я сказал:

– Ты только глянь... – Сонный лужок, на одном краю – сосны, озерцо, чистый свежий воздух, полуденные облака, золотисто летящие в небе... – А давай сегодня здесь переночуем, я, наверно, в жизни места красивее не видал.

– Ай, да это ерунда. Нет, здесь, конечно, клево, но завтра утром можно проснуться и обнаружить, что у нас на заднем дворе – три дюжины школьных учительниц на лошадях и уже бекон жарят. Там, куда мы идем, – зуб даю – не будет ни единого человечка, а если кто и придет, тогда я засранный конский зад. Ну, может, один альпинист, от силы – двое, но вряд ли в это время года там кто-нибудь вообще окажется. Видишь ли, в любую минуту снег может выпасть. Если повалит ночью, до свиданья мы с тобой.

– Что ж, до свиданья, Джафи. Но давай хоть отдохнем тут, водички попьем, на красоту эту посмотрим. – Мы устали, и нам было четко. Мы растянулись в траве, отдохнули, обменялись поклажей, и нам снова не терпелось двигаться дальше. Почти сразу же трава кончилась и начались валуны; мы вскарабкались на первый, а с него оставалось лишь прыгать и скакать дальше, постепенно забирая выше, выше, пять миль вверх по долине, засыпанной валунами, все круче и круче, с громаднейшими скалами по сторонам – стены сходились чуть ли не к тому утесу, куда мы пробирались.

– А что за той скалой?

– Там высокая трава, кустарники, разбросаны валуны, там петляют прекрасные ручейки, в которых льдинки – даже днем, кое-где лежит снег, огромные деревья, а один валун – больше двух домиков Альвы, поставленных один на другой, он наклоняется, и там у нас будет такая впадина, типа пещеры, где мы разложим большой костер, он будет отражать тепло от стенки. А дальше трава и лес заканчиваются. Это будет где-то девять тысяч футов.

В теннисках было невероятно легко скакать с камня на камень, но немного погодя я заметил, как изящно это делает Джафи: он мелкими шажочками перепрыгивал по валунам, иногда как бы намеренно танцуя, – его ноги скрещивались справа налево и слева направо, и первое время я повторял каждый его шаг, но потом понял, что лучше всего самому спонтанно выбирать себе валуны и выделять свой рваный танец.

– Секрет такого восхождения, – сказал Джафи, – как дзен. Не думай. Танцуй себе дальше. На свете нет ничего легче, на самом деле даже по плоской земле ходить труднее, слишком монотонно. А тут при каждом шаге возникают ничего так себе проблемки, но ты ни разу не сомневаешься и хоп – уже на другом валуне, который выбрал не понять почему, совсем как в дзене. – Так оно и было.

Теперь мы почти не разговаривали. Мышцы ног у нас притомились. Долго – часа три – поднимались мы по этой длинной-длинной долине. День стал постепенно переходить в вечер, свет становился янтарным, на долину сухих валунов зловеще опустились тени – но не пугали, а опять придавали всему какое-то бессмертие. Утки были выложены очень заметно: становишься на верхушку валуна и смотришь вперед, засекаешь утку (обычно это маленькая пирамидка из двух плоских камней и, может, третий, круглый, – сверху для украшения) и движешься к ней. Эти утки выкладывали предыдущие скалолазы – специально чтобы избавить следующих от мили-другой блужданий по огромной долине. Наш ревущий поток тем временем оставался все время рядом – только уже и спокойнее, он сбегал с самого утеса в миле впереди, расплываясь большим черным пятном, хорошо заметным на серой скале.

Прыгать с валуна на валун с тяжелой поклажей, ни разу не оступившись, оказалось легче, нежели предполагалось: едва попадаешь в ритм танца, уже не упадешь. Иногда я оглядывался на долину внизу и поражался, как высоко мы забрались, какие горизонты гор распахиваются теперь за нами. Наш прекрасный парк в конце тропы был как крошечный глен в Арденском лесу⁷¹. Затем склон сделался круче, солнце – краснее, и вскоре под сенью некоторых скал я увидел пятячки снега. Мы добрались до того места, где утес вроде как совсем нависал над головой. Тут я увидел, что Джафи впереди скинул рюкзак, и запрыгал по камням к нему.

– Ну, тут бросаем шмотки и лезем эти несколько сот футов по скале на самый верх, видишь – там не такой откос, найдем нашу стоянку. Я помню, где она. Хотя сам можешь и тут посидеть, отдохни или просто побей баклуши, а я тут поброжу, я люблю один лазить.

Ладно. Я сел, сменил мокрые носки и снял влажную от пота майку, сложил по-турецки ноги и отдыхал, посвистывая, где-то около получаса – очень приятное занятие, – а Джафи тем временем вернулся и сказал, что нашел стоянку. Я думал, до нее – коротенькая прогулочка, а на деле мы прыгали по крутым валунам еще почти час, причем некоторые каменюки приходилось огибать, затем поднялись на уровень плато и там по более-менее ровной траве прошли еще сотни две ярдов дотуда, где среди сосен высился огромный серый камень. Вот тут-то земля была сплошь великолепием: на траве лежал снег с подтаявшими прогалинами, болботали ручейки, по обеим сторонам – громадные молчаливые скалы, и дул ветер, и пахло вереском. Мы вброд перешли миленький ручеек глубиной с ладонку – жемчужная, чистая, светлая водичка – и подступили к каменной громаде. Там, где стояли лагерем другие скалолазы, лежали старые обугленные бревна.

– А где тут Маттергорн?

– Отсюда не видно, но... – показал пальцем на верх плато подальше и ущелье с осыпью, изгибавшееся вправо, – ...вон за той ложиной и вверх пару миль или около того, и там будет его подножие.

– Ух, черт, так это займет у нас еще целый день!

– Со мною – не займет, Смит.

– Что ж, Райдери, тогда я не против.

– Ладно, Смити, а теперь давай-ка расслабимся, побалдеем и приготовим какой-никакой ужин, пока будем ждать старину Морлири?

И вот мы распаковались, все выложили, покурили и отдохнули. Горы теперь отдавали таким розоватым, в смысле – камни, это все была лишь твердая скала, покрытая атомами пыли, накопившимися здесь с начал безначальных времен. Вообще-то я боялся этих зазубренных чудищ, окружавших нас со всех сторон, да еще нависавших над самой головой.

– Такие безмолвные! – сказал я.

– Ага, чувак, знаешь, гора для меня – это Будда. Только подумай, столько терпения, сотни тысяч лет она сидит здесь совершенно молча, и как бы молится за все живое в этом молчании, и только ждет, чтоб мы прекратили свою глупую возню. – Джафи вытащил чай, китайский, насыпал в жестяной котелок, тем временем разложив костер, для начала небольшой, солнце нас пока еще освещало, потом загнал покрепче между больших камней длинную палку, чтоб было на чем подвесить котелок, и скоро вода уже кипела, он налил кипятка в свой чайник, и вскоре мы уже пили чай из жестяных кружек. Я сам принес воды из ручья, холодной и чистой как снег, как глаза небес за хрустальными веками. Стало быть, чай этот был самым чистым и утоляющим жажду напитком в моей жизни, его хотелось пить еще и еще, он действительно утолял жажду и горячим омывал все нутро.

---

⁷¹ Арденский лес – некогда лесистая местность в Уорикшире, Англия, место действия пасторальной комедии Уильяма Шекспира «Как вам это понравится» (*As You Like It*, 1599, опублик. 1623; рус. пер. П. Вейнберга).

– Теперь понимаешь восточную страсть к чаю, – сказал Джафи. – Помнишь, я рассказывал, в той книге написано, что первый глоток веселит, второй – радует, третий успокаивает, четвертый сводит с ума, пятый повергает в экстаз.

– Совсем как про нас, старик.

Камень, под которым мы разбили лагерь, был просто чудом. Тридцати футов в высоту и тридцати футов в ширину у основания, почти идеальный квадрат, деревья переплетались над ним и свешивали ветви к нам. От основания каменная стена изгибалась наверх, поэтому, если хлынет дождь, у нас будет хоть какое-то прикрытие.

– Как эту громадину сюда занесло?

– Возможно, ледник отступал и оставил. Видишь вон снежное поле?

– Ну.

– Это осталось от ледника. Либо так, либо этот камешек грохнулся сюда с невообразимых доисторических высот, каких нам не постичь, – или, может, этот сукин сын приземлился сюда, когда в юрский период весь этот хренов хребет вылез на поверхность. Рей, когда вот тут, наверху – ты ведь не в гостинной в Беркли сидишь. Здесь тебе и начало, и конец мира. Взгляни, сколько терпеливых Будд смотрят на нас и ничего не говорят.

– А ты сюда ходишь совсем один...

– И на целые недели, как Джон Мьюир, ползаю тут сам по себе вдоль по кварцитовым жилам, или собираю букетики цветов и приношу их в лагерь, или просто разгуливаю голышом и пою, и готовлю себе ужин, и смеюсь.

– Джафи, надо отдать тебе должное – ты самый счастливый кошка на свете, и величайший притом, ей-богу. Я в натуре доволен, что все это узнаю от тебя. В таком месте и я становлюсь верен, в смысле, понимаешь, у меня есть молитва – знаешь, какая у меня молитва?

– Какая?

– Я сажусь и говорю: перечисляю всех друзей, всех родственников, всех врагов, одного за другим, без всяких обид и благодарностей, без гнева, без ничего, и говорю типа вот так: «Джафи Райдер, равно пустой, равно любимый, равно грядущий Будда», – потом перехожу к следующему, скажем: «Дэвид О. Селзник⁷², равно пустой, равно любимый, равно грядущий Будда», – хоть и не беру таких имен, как Дэвид О. Селзник, я беру только тех, кого знаю, ибо когда я произношу «равно грядущий Будда», я хочу думать об их глазах – возьми вот, к примеру, Морли, его голубые глаза за очками: как подумаешь «равно грядущий Будда», подумай и об этих глазах – и точно вдруг увидишь подлинное тонкое спокойствие и истину его грядущей буддовости. А затем подумай о глазах своего врага.

– Это замечательно, Рей. – И Джафи вытащил записную книжку, и вписал туда мою молитву, и покачал в изумлении головой: – Это очень, очень здорово. Я научу этой молитве монахов, которых встречу в Японии. У тебя все правильно, Рей, беда лишь в том, что ты так и не научился добираться до таких вот мест, позволил миру утопить себя в его навозе, он тебя достал... Хоть я и говорю, что сравнения одиозны, но то, о чем мы говорим сейчас, – истинно.

Он вытащил грубый булгур и вывалил в него пару пакетиков сушеных овощей, потом высыпал все в котелок, чтобы сварить вечером. Мы стали прислушиваться, не донесутся ли йодли Генри Морли, но все было тихо. Нам уже стало беспокойно за него.

– Самое неприятное, черт бы его побрал, если он свалился с камня и сломал ногу – там, где ему никто и помочь-то не сможет. Это опасно... Я, правда, и один здесь хожу, но я-то – старый горный козел.

– Есть уже хочется.

– Мне тоже, черт, скорей бы он уже дошел. Давай побродим тут, поедим снега, воды попьем и подождем еще.

---

⁷² Дэвид Оливер Селзник (1902–1965) – американский продюсер, один из столпов голливудской киноиндустрии.

Мы так и сделали – обследовали верхнюю часть плато и вернулись. Солнце уже ушло за западную стену долины, темнело, розовело, холодало, по зазубринам поползло больше оттенков лилового. Небо было глубоко. Мы уже различали бледные звезды, по крайней мере – одну-две точно. Вдруг услышали дальний крик:

– Йоделахи-и! – и Джафи подпрыгнул, вскочил на большой валун и завопил в ответ:

– Хоо! хоо! хоо! – Вернулся наш Йоделахи.

– Он далеко?

– Да боже мой, судя по звуку – он еще и с места не трогался. Он даже до начала долины с валунами не дошел. Дотемна вряд ли сюда доберется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.